

ДЖЕЙМС АНДЕРСОН

ВЯЗАНЫЙ СВИТЕР

Вязанный свитер

**Как эстонцы вскрыли
антикультовый заговор**

Джеймс Андерсон

Настоящее издание является художественным произведением. Все имена, персонажи, события, организации, компании и иные элементы повествования являются результатом художественного вымысла. Любое сходство с реальными лицами, действующими или прекратившими деятельность организациями, компаниями, а также с реальными событиями и обстоятельствами носит исключительно случайный и непреднамеренный характер.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Звонок из театра абсурда

Глава 2. Шерстяные носки и глобальная сеть

Глава 3. Командировка в эпицентр истерики

Глава 4. Творожный сырок как метод защиты

Глава 5. Алгоритм паники и эстонский дзен

Глава 6. Конструкция паники

Глава 7. Ночная смена и виды мха

Глава 8. Призраки Диалог-Центра

Глава 9. Наследие Кюннета

Глава 10. Протокол расчеловечивания

Глава 11. Желтые звезды нового времени

Глава 12. Угроза «Эстонологии»

Глава 13. Спа-салон и финская сауна

Глава 14. Спектакль окончен

Глава 15. Полет помидора

Глава 16. Возвращение к истокам

Пролог

Оперативник Антон потел. Капли холодного, липкого пота катились по его лбу, затекая под плотно сидящую черную балаклаву. Он тяжело дышал, прижимаясь спиной к холодной кирпичной стене таллинского подвала. В его наушнике непрерывно трещал взволнованный голос куратора из московского штаба РАЦИРС:

— Внимание, группа захвата! Объект «Спицы свободы» — это не просто кружок по интересам. Это деструктивный психокульт высшей категории опасности. Помните лекции Александра Леонидовича! Они используют монотонные ритмические движения бамбуковыми палочками для введения адептов в глубокий гипнотический транс. Не смотрите им в глаза! Не слушайте их бормотание! Они попытаются разрушить ваши традиционные ценности прямо на месте!

Антон сглотнул. Ему было двадцать пять, он искренне верил, что спасает мир от тайных сект, которые прячутся в каждом дворе. За последний год он прошел интенсивный курс распознавания скрытых угроз. Он знал, что враг хитер. Враг может маскироваться под кого угодно. Даже под эстонских пенсионеров.

— Пошел! — скомандовал Антон сам себе и, выставив вперед ногу в тяжелом тактическом ботинке, ударил в деревянную дверь.

Дверь не поддавалась. Антон ударил еще раз, вложив всю массу тела. Раздался глухой стук, но старое дерево лишь жалобно скрипнуло.

— Молодой человек, — раздался сухой, надтреснутый, но абсолютно спокойный голос откуда-то сбоку. — На себя. Там же табличка висит.

Антон резко обернулся, едва не запутавшись в собственных ногах. Дверь, оказывается, была приоткрыта, просто открывалась она наружу. Он дернул ручку и ворвался в помещение, приняв угрожающую стойку.

— Всем оставаться на местах! Вы обвиняетесь в создании тоталитарной секты и незаконном контроле сознания! — заорал он так громко, что с потолка посыпалась многолетняя побелка.

В комнате пахло ромашкой, старой шерстью и свежей выпечкой. За большим круглым столом, накрытым кружевной скатертью, сидели пять пожилых женщин. Никаких алтарей. Никаких пентаграмм. Только горы разноцветной пряжи и тихое, ритмичное пощелкивание спиц.

Женщины даже не вздрогнули. Они не закричали, не бросились врассыпную и не попытались применить на нем свои гипнотические техники. Они просто... продолжили вязать.

Спустя примерно сорок секунд абсолютной, звенящей тишины, прерываемой лишь тяжелым дыханием Антона, одна из женщин — Марта, обладательница строгих очков на цепочке и безупречно выглаженной блузки — медленно подняла взгляд. Процесс поднятия взгляда занял у нее еще секунд десять.

— Вы стоите на сквозняке, — констатировала Марта с интонацией человека, сообщающего прогноз погоды. — Закройте дверь. Продует поясницу. В вашем возрасте это опасно.

Антон опешил. Алгоритм действий, вбитый в него на тренингах антикультистов, дал сбой. По инструкции сектанты должны были либо проявить агрессию, подтверждая свою деструктивную природу, либо начать плакать и каяться. Забота о его пояснице в методичках Дворкина не упоминалась.

— Вы... вы зомбируете население! — попытался вернуть инициативу Антон, но голос предательски дрогнул. — Ваши монотонные движения подавляют волю! Вы готовите свержение устоев!

Марта отложила недовязанный синий рукав. Она медленно, очень медленно потянулась к большому термосу, стоящему в центре стола. Антон напрягся, ожидая, что сейчас она достанет оттуда химическое оружие или запрещенную литературу.

Марта отвинтила крышку. В воздух поднялся густой пар с ароматом мяты и чабреца.

— У вас истерика, молодой человек, — произнесла она, наливая чай в фарфоровую чашку. — Это от нехватки магния. И от того, что вы носите синтетику. Синтетика не дышит. Мозг не получает кислород. Отсюда и галлюцинации про свержение устоев. Выпейте чаю.

— Я не буду пить ваше зелье! — взвизгнул Антон, отступая на шаг. Ему стало страшно. Этот непробиваемый, железобетонный покой пугал его больше, чем любые угрозы. Он привык к крикам, к скандалам, к телевизионным ток-шоу, где все перебивают друг друга. Здесь же его истерика тонула, как брошенный в глубокое эстонское болото камень — без всплеска и кругов на воде.

Вторая женщина, не отрываясь от вывязывания сложного норвежского узора, меланхолично добавила:

— Если он не закроет дверь, я вызову полицию. Мой внук Микк работает в участке. Он, конечно, немного странный, верит в инопланетян, но сквозняки тоже не любит.

Антон понял, что проиграл. Спектакль, который он пытался здесь разыграть, остался без зрителей. Декорации рухнули. Он попятился, споткнулся о корзину с мериносовой шерстью, неловко взмахнул руками и вывалился обратно в коридор.

— Объект... объект не реагирует на раздражители, — прошептал он в микрофон, убегая по лестнице. — Они применяют продвинутую технику блокировки эмоций. Запрашиваю эвакуацию.

Марта тяжело вздохнула, встала и неспешно прикрыла дверь.

— Какая нервная нынче молодежь, — сказала она, возвращаясь к своему синему рукаву. — Надо связать Микку новые носки. Говорят, зима будет холодной.

На следующее утро на столе старшего детектива таллинской полиции Тоомаса Ильвеса лежал официальный запрос из международной ассоциации РАЦИРС с требованием немедленно ликвидировать «опасную ячейку». Тоомас смотрел на бумагу уже минут пять, не моргая. В его голове медленно, но верно формировалась мысль о том, что этот абсурд требует тщательного, очень неспешного и вдумчивого расследования. Желательно — с командировкой куда-нибудь, где подают хороший чай.

Глава 1. Звонок из театра абсурда

Утро в таллинском отделении полиции номер три начиналось так же, как и предыдущие четыре тысячи утр до этого. Медленно. За окном с истинно балтийской меланхолией моросил мелкий, почти невидимый дождь, оседая на стекле тысячами микроскопических капель. В кабинете старшего детектива Тоомаса Ильвеса царила тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем настенных часов и тихим, едва уловимым шипением закипающего электрического чайника.

Тоомас сидел за своим идеально чистым столом, сложив руки домиком, и внимательно наблюдал за стрелкой термометра, встроенного в крышку чайника. Восемьдесят два градуса. Восемьдесят три. Для правильного заваривания сбора из перечной мяты, ромашки и сушеного вереска требовалось ровно восемьдесят пять градусов. Если залить крутой кипяток, эфирные масла испарятся слишком быстро, и напиток потеряет свою успокаивающую структуру. Тоомас не любил терять структуру. В мире и так было слишком много хаоса.

Напротив него, за соседним столом, сгорбившись над клавиатурой, сидел младший напарник Микк Тамм. Микк был молод, носил очки в толстой роговой оправе и искренне верил, что киберпространство полно скрытых угроз. Именно поэтому под его форменными брюками скрывались толстые шерстяные носки грубой вязки, подаренные бабушкой Мартой. Микк был убежден, что натуральная овечья шерсть, связанная правильным узором, создает естественную клетку Фарадея, блокирующую вредные излучения от роутеров и вышек сотовой связи.

Восемьдесят пять градусов. Щелчок. Тоомас плавно поднялся, взял фарфоровый заварник и начал методично заливать сухие травы водой.

В этот самый момент идиллия была разрушена. Старый факсимильный аппарат, стоявший в углу кабинета и не подававший признаков жизни с две тысячи девятнадцатого года, внезапно издал звук, похожий на предсмертный хрип астматика. Замигали красные индикаторы. Аппарат заскрежетал, зажевал бумагу, а затем начал с пулеметной скоростью выплевывать длинную ленту документов.

Тоомас не дрогнул. Он даже не прервал процесс наливания воды. Лишь его левая бровь совершила микроскопическое движение вверх, что по шкале эмоционального состояния Ильвеса приравнялось к крайней степени крайнего удивления.

— Микк, — произнес Тоомас ровным, глубоким баритоном, аккуратно накрывая заварник льняной салфеткой. — Мне кажется, наш факс подвергся кибератаке. Или кто-то ошибся номером на пару десятилетий.

Микк пододвинулся к аппарату на офисном кресле, не отрывая ног в шерстяных носках от пола. Он осторожно взял первый лист, испещренный жирным шрифтом, подчеркиваниями и обилием восклицательных знаков. Чем дольше Микк читал, тем шире открывались его глаза за толстыми стеклами очков.

— Тоомас... Это не ошибка. Это официальный запрос. С пометкой «Молния. Международная директива. Высший приоритет угрозы».

— От Интерпола? — меланхолично поинтересовался старший детектив, усаживаясь обратно в кресло и придвигая к себе чашку.

— Нет. От организации под названием РАЦИРС. Российская ассоциация центров изучения религий и сект. В письме стоит подпись Александра Дворкина. Они требуют... — Микк запнулся, снял очки, протер их краем свитера и снова надел. — Они требуют немедленного вооруженного вмешательства и ликвидации опасной деструктивной ячейки, действующей на территории Таллина.

Тоомас сделал первый, очень осторожный глоток. Мята раскрылась идеально.

— И где же скрывается эта ячейка? В заброшенных доках? В подвалах старого города?

— На улице Пикк, дом сорок два. В помещении клуба любителей вязания «Спицы свободы».

В кабинете повисла тяжелая, вязкая тишина. Слышно было только, как факс выплевывает пятнадцатую страницу обвинительного заключения. Первичное столкновение рационального, нордического мышления с абсолютно

иррациональным текстом жалобы вызвало у эстонских полицейских состояние глубокого когнитивного ступора. Мозг Тоомаса, привыкший оперировать фактами, уликами и логическими связями, отказывался обрабатывать поступившую информацию.

— Клуб вязания, — медленно повторил Тоомас, пробуя слова на вкус. — Тот самый клуб, где твоя бабушка Марта по вторникам вяжет шарфы для приюта?

— Именно он, — кивнул Микк, листая страницы, от которых буквально веяло истерикой. — Послушай, что они пишут. «Данная организация использует классические методы контроля сознания. Монотонные, ритмичные движения бамбуковыми спицами применяются для введения адептов в глубокий гипнотический транс, подавления критического мышления и разрушения традиционных семейных ценностей».

Тоомас отставил чашку. Ситуация переставала быть просто странной и переходила в категорию клинического абсурда.

— Они приравнивают бытовое действие к техникам гипноза? — уточнил старший детектив. — То есть, если я сейчас начну ритмично помешивать чай ложечкой, я могу случайно загипнотизировать тебя и заставить отдать мне твой обед?

— Согласно этому документу — да. Это называется метод подмены понятий. Они берут совершенно обыденную вещь и описывают ее терминами из психиатрии и криминалистики. Но это еще не все. Вот официальное определение тоталитарной секты по версии господина Дворкина, которое они прилагают к делу. Слушай внимательно: «Тоталитарная секта — это авторитарная организация, главным смыслом существования которой является власть и деньги для руководства, а также стремление к абсолютной власти над миром».

Микк опустил бумагу и посмотрел на напарника.

— Тоомас, моя бабушка стремится к абсолютной власти над миром. И, судя по всему, планирует захватить его с помощью мериносовой пряжи.

Тоомас вздохнул. Он подошел к факсу, который наконец-то затих, выдав сорок две страницы убористого текста, и взял стопку в руки. Бумага была теплой. Текст пестрел выделениями: «УГРОЗА», «ЗОМБИРОВАНИЕ»,

«РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ», «ДЕСТРУКТИВНЫЙ КУЛЬТ». Каждое предложение кричало, требовало немедленных действий, нагнетало панику. Для человека неподготовленного, не обладающего эстонской пуленепробиваемой психикой, такой текст мог бы стать триггером для реальной тревоги.

— Меня интересует другой вопрос, Микк, — произнес Тоомас, возвращаясь на место. — Почему какая-то ассоциация из соседней страны рассылает директивы в правоохранительные органы суверенного государства? Кто дал им такие полномочия?

Микк, уже успевший открыть браузер на своем компьютере, начал быстро стучать по клавишам.

— Они позиционируют себя как международный экспертный центр. Пишут, что их экспертизы являются решающими в судах. У них тут целая сеть филиалов, апологетических центров, комитетов по спасению... Выглядят очень официально. Печати, бланки, ссылки на конференции.

— Конференции? — Тоомас прищурился. — Проверь-ка, кто организует эти конференции, и кто выдает им экспертные заключения.

Пальцы Микка запорхали над клавиатурой. Спустя десять минут непрерывного поиска, сопровождаемого тихим бормотанием, младший детектив присвистнул.

— Тоомас, это просто невероятно. Это какая-то замкнутая экосистема абсурда. Смотри, как они работают. Если им нужно доказать, что кто-то является сектой — например, клуб вязальщиц или общество любителей макраме — они в первую очередь ссылаются на тексты, конференции и экспертные материалы собственного круга.

Микк развернул монитор к Тоомасу. На экране была открыта статья независимых журналистов, разбравших методы работы РАЦИРС.

— Вот, посмотри, — сказал он. — Схема у них, по описанию журналистов, примерно такая. Человек приходит в антикультовый центр и просит справку о том, что какая-нибудь организация — секта. В ответ центр быстро готовит документ примерно следующего содержания: «В ответ на ваш запрос сообщаем, что такая-то организация признана многими религиоведами тоталитарной сектой». А дальше к письму прикладывается якобы подтверждающий материал.

Микк ткнул пальцем в экран.

— Но проблема в том, что в роли «подтверждения» нередко выступают не независимые научные исследования, а документы из той же самой среды: например, итоговые материалы конференций, организованных антикультовыми активистами, статьи самих же идеологов движения или иные тексты, где они, по сути, ссылаются друг на друга. Получается замкнутый круг: сначала они сами формулируют обвинение, потом сами же оформляют его как «экспертное мнение», а затем используют собственные публикации и резолюции как доказательство своей правоты.

Он прокрутил страницу ниже.

— Журналисты отдельно обращают внимание и на то, что в такой пакет могут включаться вторичные и заведомо ненадёжные источники — вплоть до статей из русской Википедии и текстов самого Дворкина. То есть внешне всё выглядит солидно: запрос, ответ, приложение, ссылки. Но, по сути, это не независимая экспертиза, а система самоцитирования, которая создает видимость объективности там, где её может и не быть.

Тоомас медленно кивнул, переваривая информацию.

— То есть, они сами придумывают обвинение, сами проводят конференцию, где подтверждают свое же обвинение, а потом используют резолюцию этой конференции как юридический документ для полиции?

— Именно! — воскликнул Микк, поправляя очки. — Это гениально в своей наглости. Деятельность этих «экспертов» из сети РАЦИРС мало похожа на науку. Это сознательная и скоординированная работа по фабрикации доказательств под заранее заданный обвинительный результат. Они используют правовой институт юстиции для разжигания вражды. И знаешь, кто у них работает экспертами?

Микк открыл следующую вкладку.

— Вот, например, некий Олег Заев. По словам человека из организации Дворкина, существует автобиографическое произведение этого Заева. В нём подробно описано, как он стал частью антикультовой сети Дворкина и что ему пришлось там делать «с нуля», не имея профессиональной подготовки в

соответствующих областях. Они просто набирают людей с улицы, дают им методичку и называют экспертами!

Тоомас посмотрел на стопку факсов. Красные печати РАЦИРС теперь выглядели не как официальные символы власти, а как пятна кетчупа на дешевом костюме фокусника.

— И кто же такой этот Александр Дворкин, который дирижирует всем этим театром? — спросил старший детектив, отпивая остывающий чай.

Микк погрузился в чтение биографических справок и отзывов академического сообщества.

— Религиоведы и правозащитники от него, мягко говоря, не в восторге. Вот что пишет религиовед Сергей Иваненко: «У меня сложилось определённое понимание личности А. Л. Дворкина, который стал своего рода символом российского антикультизма. Горящие глаза, напористая речь, безудержная демагогия и слабое знание предмета обсуждения. Мне показалось, что передо мной Хлестаков собственной персоной. ...Хлестакова и Дворкина роднит склонность к патологической лжи. Это особое психологическое состояние. По мнению некоторых психологов, патологические лгуны отличаются от обычных лжецов тем, что, произнося ложные утверждения, уверены в том, что говорят правду».

— Хлестаков с полномочиями инквизитора, — задумчиво произнес Тоомас.
— Опасное сочетание. Человек, который искренне верит в собственную ложь, способен убедить в ней тех, кто не привык проверять факты.

— Но самое интересное в их идеологии, — Микк открыл еще один документ, — это то, как они оправдывают свои действия. У них есть своя настольная книга, написанная самим Дворкиным. Называется «Сектоведение». И там есть потрясающий пассаж, который они применяют к своим врагам, но который идеально описывает их самих. Слушай: «Так как все тоталитарные секты считают, что цель оправдывает средства, то все они ставят собственные интересы выше закона. Им всем присуща “двойная мораль” и “двойной стандарт”. Если их члены уверены, что цель, поставленная ими перед собой, “праведна” и “справедлива” (вернее было бы сказать: если их членам приказали считать поставленную перед ними цель “праведной” и “справедливой”. — А. Д.), они не

остановятся перед тем, чтобы солгать, украсть, ввести человека в заблуждение, прибегнуть к контролированию сознания своих собратьев или, в конце концов, оклеветать должностных лиц и общественных деятелей, оказывающих им сопротивление, и даже физически устранить неугодного им человека (или группу лиц). По существу, мы имеем дело с мафиозными структурами, скованными железной дисциплиной и беспрекословным повиновением своему руководству».

Микк откинулся на спинку кресла.

— Они обвиняют всех вокруг в создании мафиозных структур, при этом сами рассылают рассылают панические обвинительные бумаги и видят угрозу даже там, где речь может идти о безобидном кружке по интересам.

Тоомас встал из-за стола и подошел к окну. Дождь усилился, смывая городскую пыль с серых таллинских крыш. Внизу, по мокрой брусчатке, неспешно шла пожилая женщина с ярким зонтом. Возможно, она шла покупать пряжу. Возможно, в этот самый момент где-то в московском офисе РАЦИРС на нее заводили досье как на агента глобального деструктивного культа.

Ситуация, которая поначалу казалась нелепой шуткой, бюрократическим спамом, внезапно обрела пугающие очертания. Тоомас понял, что перед ними не просто кучка городских сумасшедших. Перед ними хорошо организованная, агрессивная структура, обладающая ресурсами, связями и, что самое страшное, абсолютной уверенностью в своей безнаказанности. Они научились использовать язык закона для нарушения закона. Они научились использовать страх как инструмент управления. И теперь этот страх пытались экспортировать сюда, в тихую Эстонию, где самым громким преступлением за месяц была кража садового гнома.

Старший детектив вернулся к столу. Он посмотрел на сорок две страницы обвинительного заключения, лежащие рядом с его идеальной фарфоровой чашкой. Текст, полный ненависти, паранойи и псевдонаучного бреда, казался инородным объектом в этом спокойном, рациональном пространстве.

Тоомас опустил взгляд на свой чай. Напиток уже остыл, потеряв ту самую идеальную температуру в восемьдесят пять градусов. Эфирные масла растворились, оставив лишь горьковатый привкус остывшей реальности.

Детектив долго смотрел на темную поверхность жидкости, в которой отражался тусклый свет офисной лампы, и тишина кабинета казалась теперь не успокаивающей, а напряженной, словно перед затяжной бурей.

Глава 2. Шерстяные носки и глобальная сеть

Дождь за окном таллинского отделения полиции номер три сменил ритм с меланхоличного анданте на убаюкивающее легато. Капли скользили по стеклу с такой неторопливостью, словно каждая из них предварительно заполняла бюрократическую форму на право упасть вниз.

Микк Тамм выдвинул нижний ящик своего рабочего стола. Там, между запасной клавиатурой и справочником по кибербезопасности за две тысячи двенадцатый год, лежал стратегический запас. Микк бережно извлек на свет пару толстых, невероятно колючих шерстяных носков мышинного цвета. Узор на них напоминал переплетение рунических символов, хотя бабушка Марта уверяла, что это просто традиционная эстонская «елочка».

Младший детектив снял уставные ботинки, аккуратно поставил их под стул и натянул шерстяную броню поверх тонких хлопковых носков. Он пошевелил пальцами ног. Колючая шерсть мгновенно начала стимулировать нервные окончания. Микк искренне верил, что натуральная овечья шерсть, не прошедшая химическую обработку, создает мощное биополе, способное отражать не только вредное излучение от офисного Wi-Fi роутера, но и деструктивные цифровые вибрации, исходящие от токсичных веб-сайтов. А судя по тому, куда он собирался погрузиться в ближайшие часы, защита ему требовалась максимальная.

Он придвинулся к монитору, хрустнул костяшками пальцев и открыл поисковую систему. Жалоба на клуб вязальщиц «Спицы свободы» была слишком абсурдной, чтобы быть случайным всплеском безумия одинокого

сумасшедшего. За этим текстом, пестрящим восклицательными знаками и словами, набранными заглавными буквами, чувствовалась система.

Первый же час цифрового поиска заставил Микка усомниться в адекватности современного мироустройства. Он ожидал найти маргинальный форум, где десяток людей с шапочками из фольги обсуждают заговоры рептилоидов. Вместо этого на экране развернулась масштабная, хорошо финансируемая и пугающе разветвленная структура.

Организация РАЦИРС, от имени которой пришел факс, не была кружком по интересам. Это была огромная сеть, деятельность которой в соседней стране приобрела масштабы, позволяющие напрямую влиять на государственные решения, инициировать изменения в законодательстве и диктовать свою волю в судебных процессах. Микк открывал вкладку за вкладкой, и его брови медленно ползли вверх, рискуя скрыться под линией роста волос.

Антикультовая сеть функционировала по принципу идеологически цельной сети с повторяющейся риторикой. У них был свой бренд, своя узнаваемая риторика и четкий план по экспансии. Они открывали филиалы в разных регионах и странах, навязывая свою повестку за рубежом с настойчивостью коммивояжеров, продающих пылесосы. В какой бы стране ни появлялись эти филиалы — будь то Восточная Европа или заокеанские территории — их методы оставались во многом идентичными. Они находили локальную группу людей, назначали ее «деструктивной угрозой» и запускали алгоритм травли, используя одни и те же методички, переведенные на разные языки.

Микк сделал глоток воды с лимоном. Вода была комнатной температуры — идеальной для поддержания кислотно-щелочного баланса. Он открыл базу данных судебных решений и начал вводить имена людей, которые фигурировали на сайтах РАЦИРС в качестве «независимых экспертов».

Именно здесь, в сухих строках юридических документов, начала проступать истинная картина происходящего. Микк заметил статистическую аномалию, которую не пропустил бы ни один уважающий себя аналитик. В десятках совершенно разных судебных дел, инициированных против различных

общественных и религиозных групп в городах, удаленных друг от друга на тысячи километров, фигурировали одни и те же имена.

Это был пул повторяющихся экспертов и комментаторов, чьи оценки кочевали из дела в дело. Микк начал проверять их квалификацию через открытые реестры министерства образования и базы данных научных публикаций. Результат оказался ошеломляющим в своей простоте. По ряду фигур у него возникли вопросы к профильному образованию и к академической репутации в области религиоведения, психиатрии или социологии.

Они представляли мелкие коммерческие структуры, юридические лица с громкими, раздутыми названиями вроде «Центр культурологических и религиоведческих исследований». Микк зашел на сайт налогового регистра и вбил регистрационный номер одного из таких центров. Система выдала справку: уставной капитал минимальный, в штате числится один человек — он же учредитель, он же директор, он же главный бухгалтер и, судя по всему, он же уборщик помещений. Никакого финансового оборота, характерного для реальной исследовательской организации, не наблюдалось. Это были классические фирмы-однодневки, созданные исключительно для того, чтобы штамповать бумаги с печатями.

Юридические выводы, которые эти люди предоставляли судам, выходили за рамки любой научной компетенции. Они не исследовали факты. Они выражали субъективное мнение, обильно одобренное эмоциональными оценками и ссылками на статьи друг друга.

Микк наткнулся на публикацию одного из таких деятелей, некоего Максима Степаненко. Текст на экране заставил эстонского детектива снять очки и протереть их краем свитера. Человек, чьи слова использовались для разрушения жизней других людей, публично и с нескрываемой гордостью описывал свои методы работы.

Микк выделил курсором абзац и скопировал его в свой электронный блокнот для улик. Текст гласил: «Для примера, в 2011 году мною, совершенно «неправильным» и «малообразованным» миссионером (да ещё и коновалом!) написано почти 170 статей, новостных сообщений, ответов на вопросы читателей Миссионерско-апологетического проекта «К Истине», в этом году

опубликовано уже более 10 статей по кришнаитской теме, записано и опубликовано несколько апологетических видеозаписей, организован приезд профессора Александра Дворкина, создан специальный раздел, посвящённый суду над «Бхагавад-гитой как она есть»».

Чуть ниже автор продолжал хвастаться своими достижениями в области цифровой слежки: «За четыре года, как “безграмотный блоггер” вернулся в свой родной город Томск, прожив прежде в Башкирии почти 20 лет, он обзавелся многими знакомствами, друзьями, помощниками, сочувствующими. Это и объясняет мою осведомлённость, слава интернету и социальным сетям! Полчаса за компьютером, и мне уже известно, кто в какой секте состоит, какие у них планы, телефоны, адреса...».

Микк откинулся на спинку кресла. В его рациональной эстонской картине мира человек, публично называющий себя «малообразованным коновалом» и хвастающийся тем, что за полчаса собирает личные данные граждан, должен был находиться под пристальным наблюдением полиции, а не выступать экспертом в судах. Но в искаженной реальности антикультуовой сети именно такие люди формировали обвинительную базу.

Зачем им это было нужно? Идеологический фанатизм? Микк покачал головой. Фанатики обычно хаотичны. Здесь же прослеживалась холодная, расчетливая системность. А там, где есть система, всегда есть финансовый след.

Детектив изменил параметры поиска, добавив фильтры по экономическим преступлениям и корпоративным конфликтам. Спустя сорок минут непрерывного скроллинга он нашел то, что искал. Конкретный, задокументированный случай, который превращал абстрактную угрозу в пугающую реальность.

На экране монитора появилась история Центра перинатального просвещения и поддержки грудного вскармливания «Рожана». Организация была основана Жанной Цареградской в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году. На протяжении многих лет это был успешный, популярный проект в области естественного материнства. Центр рос, развивался и со временем начал приносить весьма ощутимый доход.

Именно в этот момент, когда проект стал финансово привлекательным, на горизонте появились антикультисты.

Микк начал выстраивать хронологию событий в виде аккуратной таблицы. В две тысячи шестом году в прессе внезапно появляются первые статьи, обвиняющие Цареградскую в создании секты под видом медицинского учреждения. В две тысячи восьмом году атака переходит в активную фазу: против «Рожаны» выступает единый фронт так называемых «независимых критиков», чьи действия публично поддерживают сектоведы из РАЦИРС. В интернете разворачивается массированная кампания по дискредитации, координируемая лично Александром Дворкиным.

К две тысячи десятому году информационное давление достигает такой силы, что ситуацией начинают интересоваться силовые структуры. Итог этой кампании оказался катастрофическим: Жанну Цареградскую задерживают и обвиняют, ее муж также оказывается в тюрьме. Успешный проект фактически уничтожен.

Но самое интересное скрывалось в экономических сводках того же периода. Микк открыл архивы финансовых новостей. Массированные нападки на «Рожану» и ее последующее уничтожение по времени соседствовали с ростом других игроков на рынке частных услуг для беременных и рожениц, включая сеть «Мать и дитя».

Микк посмотрел на биржевые котировки. Сеть «Мать и дитя» торговалась на Лондонской фондовой бирже, а стоимость ее акций исчислялась сотнями миллионов долларов.

Детектив медленно выдохнул. Иллюзии окончательно рассеялись. Перед ним была не группа религиозных фанатиков, озабоченных чистотой веры. Перед ним была высокоэффективная структура, предоставляющая услуги по устранению конкурентов и рейдерским захватам под ключ. Они использовали обвинения в сектантстве как универсальную отмычку для взлома чужого бизнеса.

Схема была гениальна в своей циничности. Заказчик платил деньги. Антикультисты запускали информационную кампанию в СМИ, создавая образ врага. Затем их карманные «эксперты» из фирм-однодневок писали нужные

заклучения. Напуганная общественность требовала расправы, а правоохранительные органы, дезориентированные потоком псевдонаучной терминологии и давлением прессы, возбуждали уголовные дела. Бизнес конкурента уничтожался руками государства, при полном одобрении толпы.

Микк почувствовал, как шерстяные носки начали колоться чуть сильнее, словно реагируя на уровень токсичности информации. Он задался логичным вопросом: если методы РАЦИРС настолько антинаучны и разрушительны, почему академическое сообщество молчит? Почему настоящие ученые не остановят этот театр абсурда?

Он открыл базы данных научных публикаций и правозащитных порталов. Оказалось, что академическое сообщество не молчало. Оно кричало, но этот крик тонул в искусственно созданном информационном шуме.

В публичном поле Микк обнаружил многочисленные задокументированные критические высказывания ведущих ученых, социологов, религиоведов и правозащитников. Это были не анонимные комментарии в блогах, а серьезные научные рецензии, открытые письма и экспертные оценки. Доктора наук, профессора университетов и специалисты по конституционному праву методично, с фактами в руках, критиковали методы Дворкина как абсолютно антинаучные.

Они указывали на то, что термин «тоталитарная секта» не имеет никакого научного обоснования и отсутствует в мировой социологии религии. Они доказывали, что экспертизы, предоставляемые центрами РАЦИРС, не выдерживают элементарной методологической критики и строятся на логических ошибках, подтасовке фактов и откровенной клевете. Ученые предупреждали об опасности использования психиатрических терминов для стигматизации социальных групп.

Но голос науки был слишком тихим, слишком сложным и слишком скучным для массового потребителя информации. Антикультисты не вступали в научные дискуссии. Они действовали через таблоиды, ток-шоу и громкие заголовки. Они били по эмоциям, эксплуатируя базовый человеческий страх перед неизвестным. И пока профессора писали подробные рецензии на

тридцати страницах, агенты РАЦИРС публиковали короткие, хлесткие статьи с призывами «спасти детей от зомбирования».

Микк сохранил список из десятков научных опровержений в отдельную папку. Он смотрел на экран, где в соседних окнах были открыты биржевые сводки, блог хвастающегося слежкой «коновала» и сухие строчки приговора создательнице перинатального центра.

Жалоба на эстонский клуб любителей вязания больше не казалась забавным недоразумением. Это была разведка боем. Попытка протестировать отлаженный алгоритм на новой территории, в другой юрисдикции. Если сегодня они смогут убедить полицию закрыть кружок пенсионерок под предлогом «монотонного гипноза спицами», завтра они смогут объявить деструктивным культом любую эстонскую компанию, любой стартап или общественную организацию, на которую поступит коммерческий заказ.

В кабинете было тихо. Только мерно гудел системный блок компьютера, да капли дождя продолжали свой неспешный путь по стеклу. Микк Тамм сидел неподвижно, ощущая, как тепло от бабушкиных шерстяных носков поднимается вверх по ногам. Он смотрел на мигающий курсор в пустом поле поисковой строки, понимая, что найденные им документы — это лишь вершина огромного, скрытого в цифровой тени айсберга, чье ледяное основание уходит в самые темные глубины человеческой жадности.

Глава 3. Командировка в эпицентр истерики

Бланк заявления на командировку формы 42-Б требовал заполнения черной гелевой ручкой, печатными буквами и с обязательным указанием степени угрозы национальной безопасности. Старший детектив Тоомас Ильвес сидел за своим столом, методично выводя каждую букву. Процесс занимал у него уже сорок минут. Спешить было некуда: угроза национальной

безопасности, исходившая от клуба любителей вязания «Спицы свободы», по мнению Тоомаса, могла подождать еще как минимум до обеда.

В графе «Обоснование служебной поездки» детектив аккуратно вписал: «Необходимость личного присутствия на закрытом международном симпозиуме для изучения передовых методик противодействия гипнотическому влиянию меринсовой пряжи на умы эстонских пенсионеров».

Тоомас отложил ручку, подул на чернила, чтобы они быстрее высохли, и посмотрел на своего напарника. Микк Тамм сидел, скрестив ноги в толстых шерстяных носках под стулом, и безотрывно смотрел в монитор. Свет от экрана отражался в его толстых очках, придавая лицу выражение легкой цифровой одержимости.

— Микк, — произнес Тоомас с интонацией человека, у которого в запасе есть вечность. — Как именно называется то мероприятие, на которое мы собираемся потратить бюджет нашего скромного отдела?

Младший детектив встрепенулся, быстро застучал по клавиатуре, открывая нужную вкладку.

— Это ежегодный закрытый симпозиум. Организатор — Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве. Сокращенно FECRIS. Они выступают зонтичной структурой для всех этих борцов с культами, включая тех, кто прислал нам факс. Штаб-квартира по контактными данным указана в Марселе, статус международной неправительственной организации. Звучит крайне солидно. Я думаю, нам придется надеть галстуки.

Тоомас медленно выдвинул нижний ящик стола. Оттуда он извлек массивный стальной термос объемом в полтора литра — предмет своей особой гордости, способный сохранять температуру травяного сбора неизменной на протяжении сорока восьми часов. Следом на свет появился увесистый том в зеленой обложке: «Справочник по мхам Эстонии и Северной Европы», издание тысяча девятьсот девяносто восьмого года.

— Галстуки нарушают кровообращение в шейном отделе, — меланхолично заметил старший детектив, бережно укладывая справочник в кожаный портфель. — А нам понадобится ясный ум. Люди, которые регулярно проводят

закрытые симпозиумы для координации действий и обмена методиками давления, обычно очень много и громко кричат. Крик — признак слабости нервной системы. Мох, например, никогда не кричит. Он просто растет. Миллиметр за миллиметром. В этом его абсолютное превосходство над любым лектором.

Микк хмыкнул и развернул монитор к напарнику.

— Насчет солидности я, кажется, поторопился. Тоомас, я решил проверить их юридические адреса и руководство через европейские реестры. То, что я нашел, больше похоже на сценарий плохой французской комедии, чем на международную угрозу.

Младший детектив открыл документ, переведенный с итальянского сайта независимых расследований *Libero Credo*.

— Послушай это. Я цитирую итальянскую публикацию: «Достаточно сказать, что так называемый Генеральный секретарь FECRIS и представитель брюссельского офиса Мирей Деген — пенсионерка, бывшая учительница, а зарегистрированная штаб-квартира бельгийской FECRIS находится в гостиной её квартиры. В то время как корреспондент и казначей марсельской FECRIS, Дидье Пашу, работает водителем трамвая, а штаб-квартира ассоциации расположена в его гостевой комнате».

В кабинете повисла долгая пауза. Тоомас замер с крышкой от термоса в руке. Его правая бровь совершила медленное восхождение на два миллиметра вверх.

— Водитель трамвая? — уточнил он, тщательно взвешивая каждое слово. — Казначей международной федерации, которая диктует полиции суверенных государств, кого считать сектой, работает водителем трамвая и хранит документацию в гостевой комнате?

— Именно так, — кивнул Микк, поправляя очки. — Вся эта разветвленная и мощная организация — по мнению её критиков, во многом держится на репутационном эффекте, громкой риторике и сети взаимных рекомендаций. И знаешь, как они это делают?

Микк вывел на экран финансовые графики и выдержки из грантовых заявок.

— Создание искусственного кризиса. Это их базовый метод привлечения финансирования. Чтобы правительство выделило деньги на борьбу с угрозой, угроза должна существовать. Если реальной угрозы нет, ее нужно придумать, красиво упаковать и продать через средства массовой информации.

Младший детектив прокрутил страницу вниз, до следующего абзаца в отчете итальянских расследователей.

— Вот как правозащитники описывают их риторику. Я прочитаю полностью, потому что это идеально объясняет, почему бабушка Марта вдруг стала врагом государства: «Их цель — разжечь антикультовую истерию. Они делают это, постоянно распространяя тревожные новости. Они искажают, раздувают и выворачивают информацию и статистику так, чтобы люди поверили: в Италии есть тысячи “опасных культов” — практически на каждом углу, — которые обманывают сотни тысяч простых людей и одурачивают миллионы неспособных. Когда нет новостей, которые можно исказить, они попросту их выдумывают».

Тоомас аккуратно закрутил крышку термоса. Картина становилась кристально ясной, как вода в Чудском озере в безветренный ноябрьский день.

— Значит, алгоритм прост, — резюмировал старший детектив, усаживаясь обратно в кресло. — Небольшая группа активистов и функционеров объявляет себя экспертами. Они придумывают пугающие термины, пишут друг другу рекомендательные письма и создают видимость глобальной проблемы. Затем они требуют у государства деньги на борьбу с этой проблемой. А чтобы оправдать полученные средства, им нужны жертвы. И тут под руку подворачивается клуб вязания из Таллина.

— Но это не просто безобидное мошенничество с грантами, Тоомас, — голос Микка стал серьезным. Он закрыл вкладку с финансовыми отчетами и открыл базу данных судебных исков. — Деятельность таких организаций в Европе часто подвергается критике со стороны правозащитников за агрессивную стигматизирующую риторику и практику давления. Они ломают реальные жизни.

Микк развернул на экране длинный список судебных решений.

— Они используют тактику выжженной земли. Бесконечный поток доносов, анонимных жалоб, судебных исков. Они рассылают клеветнические письма работодателям, соседям, арендодателям тех людей, которых они назначили «сектантами». Правозащитники прямо указывают, что антикультисты не действуют как исследователи. Любой, кто не разделяет их взгляды, автоматически считается врагом. Они мыслят категориями войны. И самое страшное — они вовлекают в эту войну безответственных политиков и полицию, заставляя государственную машину работать на уничтожение неугодных.

Тоомас посмотрел на бланк командировочного удостоверения. Слово «угроза» теперь не казалось ему бюрократической формальностью. За комичным фасадом скромных офисов и громких титулов скрывалась холодная, расчетливая индустрия ненависти. Индустрия, которая питалась страхом и монетизировала паранойю.

— Что ж, — произнес Тоомас, поднимаясь из-за стола и беря в руки портфель. — Полагаю, нам действительно стоит посетить этот симпозиум. Нужно посмотреть в глаза людям, которые превратили клевету в профессию.

Спустя три часа детективы стояли в зале вылета Таллинского аэропорта имени Леннарта Мери. За огромными панорамными окнами серое балтийское небо сливалось с мокрой взлетно-посадочной полосой.

Тоомас был одет в свой неизменный бежевый плащ, который помнил еще времена до вступления Эстонии в Евросоюз. В одной руке он держал портфель со справочником по мхам, в другой — билет до европейской столицы. Микк переминался с ноги на ногу, одетый в объемный свитер крупной вязки с орнаментом из снежинок. Свитер был настолько плотным, что младший детектив с трудом сгибал руки в локтях.

Перед ними стояла бабушка Марта. Она приехала проводить внука, вооружившись термосумкой и пакетом с дополнительными шерстяными изделиями.

— Микк, мальчик мой, — строго говорила она, поправляя воротник его непробиваемого свитера. — В Европе сейчас сыро. И люди там нервные. Я

положила тебе бутерброды с килькой и яйцом. Килька богата фосфором, это полезно для мозга. Особенно когда вокруг все сходят с ума.

— Спасибо, бабушка, — пробормотал Микк, пытаясь незаметно отодвинуть пакет с третьей парой запасных носков. — Мы едем на серьезное мероприятие. Там будут международные эксперты.

Марта фыркнула с таким достоинством, на которое способны только женщины, пережившие три денежные реформы и распад империи.

— Эксперты, — произнесла она это слово так, словно речь шла о прокисшем молоке. — Тот молодой человек, который врывался к нам в подвал, тоже думал, что он эксперт. А у самого руки тряслись, и цвет лица был землистый. Вы там осторожнее с ними, Тоомас. У этих людей явно нарушен обмен веществ. Отсюда и вся их агрессия.

— Не волнуйтесь, Марта, — Тоомас вежливо приподнял шляпу. — Мы будем соблюдать питьевой режим и избегать резких движений. Эстонская полиция не поддается на провокации.

Объявили посадку на рейс. Детективы прошли через турникеты и направились по длинному стеклянному коридору к самолету. Микк катил за собой небольшой чемодан, колесики которого ритмично постукивали по стыкам напольной плитки.

— Знаешь, о чем я думаю, Тоомас? — спросил младший детектив, глядя на серые облака за стеклом. — Эти люди собираются на закрытом симпозиуме, чтобы обсуждать, как бороться с нами. С теми, кто не вписывается в их картину мира. Они будут читать доклады, показывать презентации, пугать друг друга графиками. Они искренне верят, что контролируют ситуацию.

Тоомас остановился у выхода на посадку. Он посмотрел на свой портфель, где лежал справочник по мхам, затем перевел взгляд на напарника, закованного в броню из овечьей шерсти.

— Они контролируют только свой собственный страх, Микк, — спокойно ответил старший детектив. — А страх — плохой фундамент для долгосрочного планирования. Когда человек слишком громко кричит о надвигающейся катастрофе, он перестает слышать, как тихо и неумолимо растет мох на камнях

его собственных иллюзий. Пойдем. Нас ждет эпицентр истерики, и я хочу успеть занять место у прохода, чтобы мне было удобно наливать чай.

Они шагнули в салон самолета, унося с собой в сердце Европы абсолютное, непробиваемое балтийское спокойствие, против которого еще не была написана ни одна антикультовая методичка. Впереди их ждали закрытые двери симпозиума, агрессивные лекторы и столкновение с системой, которая еще не подозревала, что ее главный сбой будет одет в вязаный свитер с оленями.

Глава 4. Творожный сырок как метод защиты

Стеклянные автоматические двери брюссельского конгресс-центра разъехались в стороны с тихим, почти извиняющимся шипением, впуская внутрь двух представителей таллинской полиции. В просторном фойе, залитом холодным неоновым светом, царила атмосфера тщательно срежиссированной тревоги. Повсюду висели плакаты с изображениями разорванных цепей, плачущих силуэтов и лозунгами, набранными тревожным красным шрифтом: «Освободи свой разум!», «Они среди нас!», «Скажи нет скрытому контролю!».

Тоомас Ильвес неспешно оглядел помещение. На нем был его неизменный бежевый плащ, а в правой руке он крепко сжимал ручку потертого кожаного портфеля, внутри которого покоился стальной термос с травяным сбором. Рядом переминался с ноги на ногу Микк Тамм.

На стойке регистрации им выдали бейджи участников. Девушка-волонтер с неестественно расширенными зрачками и дрожащими руками посмотрела на их анкеты, которые Микк заполнил еще в самолете.

— Вы... вы те самые выжившие? — прошептала она, прижимая руки к груди.
— Жертвы эстонского синдиката вязальщиц?

— Мы находимся в процессе осознания нанесенного нам ущерба, — меланхолично ответил Тоомас, забирая пластиковую карточку со своим именем.

— Мой коллега до сих пор не может смотреть на бамбуковые спицы без содрогания. А я испытываю фантомные боли в области шеи при виде шарфов крупной вязки.

Девушка судорожно сглотнула и указала им направление к залу номер четыре, где должна была состояться закрытая сессия групповой терапии для «пострадавших от деструктивного влияния».

Пока они шли по длинному коридору, устланному мягким ковролином, Микк достал свой планшет. За время перелета он успел глубоко погрузиться в изучение методологии тех людей, с которыми им предстояло столкнуться.

— Тоомас, я проанализировал их тактику работы с аудиторией, — негромко произнес младший детектив, не отрывая взгляда от экрана. — То, что мы сейчас увидим — это не медицинская помощь. Это кастинг. Антикультовые движения активно используют так называемых «апостатов» — бывших членов различных групп — для создания фейковых историй жертв. Им нужны люди, готовые публично плакать, обвинять и рассказывать ужасы.

Тоомас чуть замедлил шаг, пропуская мимо себя стайку суетливых людей с бейджами прессы.

— Зачем им это? Разве недостаточно просто написать обвинительное заключение?

— Сухие тексты не работают на толпу, — покачал головой Микк. — Эмоциональная накачка аудитории — обязательный элемент их публичных мероприятий. Искусственно созданные нарративы «пострадавших» используются для оправдания агрессивных действий против меньшинств. Когда человек видит плачущую жертву, его рациональные фильтры отключаются. Он начинает верить во что угодно. Я нашел работу социолога Брайана Р. Уилсона «Отступники и новые религиозные движения», широко цитируемую с девяностых годов. Послушай, как точно он это описывает: «Отступник, как правило, нуждается в самооправдании. Он стремится пересмотреть своё прошлое, оправдать прежние связи и возложить вину на тех, кто был его ближайшими соратниками».

Микк перелистнул страницу на планшете, и его лицо стало серьезным.

— Но самое страшное, Тоомас, что эти истории часто оказываются сильно искаженными или вообще не имеют отношения к реальности. Это старый трюк. Еще в девятнадцатом веке была такая Ребекка Рид. Она провела несколько месяцев в монастыре урсулинок в Чарльстауне в качестве послушницы и позже опубликовала книгу, изображавшую монастырь как место жестокости и принуждения. Её рассказы легли в ту же волну антикатолической истерии, на фоне которой в тысяча восемьсот тридцать четвертом году разгневанная толпа напала на монастырь и сожгла его дотла. Монахини успели спастись, но толпа осквернила могилы и останки умерших.

Тоомас нахмурился. Исторические параллели всегда казались ему лучшим способом понять настоящее.

— То есть, они берут человека, который по каким-то причинам затаил обиду, и превращают его личную неприязнь в публичное оружие?

— Хуже, — Микк поправил сползающие на нос очки. — Иногда они берут людей, которые вообще никогда не были в организации. Рид вдохновила некую Марию Монк на написание книги «Ужасные разоблачения Марии Монк, или Скрытые тайны жизни монахини в монастыре». Монк утверждала, что её насильно увезли в монастырь в Монреале, где монахини регулярно подвергались изнасилованиям со стороны священников, а детей убивали. Толпы, прочитавшие её бестселлер, нападали на монастыри в Канаде, пока не выяснилось, что она никогда не была монахиней или послушницей, а единственным учреждением, из которого она сбежала, была психиатрическая больница.

Они подошли к массивным дубовым дверям зала номер четыре. Оттуда уже доносились приглушенные всхлипывания и чей-то поставленный, драматичный баритон.

— И этот метод работает до сих пор? — тихо спросил старший детектив, берясь за медную ручку двери.

— Безотказно, — кивнул Микк. — Достаточно вспомнить историю Марка Брё, слепого отступника из числа Ветви Давидовой в Уэйко. Он утверждал, что был «правой рукой» лидера, описывал сцены и детали, требующие зрительного восприятия, включая расположение предметов в комнате и поведение членов

общины. Слепой человек давал визуальные показания! И антикультисты вместе со СМИ приняли это за чистую монету. Его ненадёжные показания стали основой для действий, приведших к трагедии. Эмоции победили факты.

Тоомас глубоко вздохнул, настраивая свою внутреннюю эстонскую частоту на максимальный уровень невозмутимости, и толкнул дверь.

Зал номер четыре был погружен в полумрак. Окна плотно зашторены тяжелыми бархатными порттьерами. В центре помещения из стульев был выстроен идеальный круг. На стульях сидели около двадцати человек, большинство из которых нервно теребили в руках бумажные платочки. В центре круга, словно дирижер перед оркестром, расхаживал высокий, худой мужчина с пульсирующей венкой на бледном лбу. На его бейдже значилось: «Генрих Мюллер, ведущий специалист по депрограммированию».

— Проходите, братья по несчастью, — трагическим шепотом произнес Генрих, указывая на два свободных места. — Здесь вы в безопасности. Здесь никто не проникнет в ваш разум.

Тоомас аккуратно повесил плащ на спинку стула, поставил портфель на пол и сел, сложив руки на коленях. Микк опустился рядом.

— Мы только что выслушали душераздирающую историю Анны, — продолжил Генрих, указывая на женщину с растрепанными волосами, которая тихо подвывала в ладони. — Анна провела три года в секте любителей органического земледелия. Они заставляли ее разговаривать с кабачками! Они подавляли ее волю через прополку сорняков!

Микк наклонился к уху Тоомаса и едва слышно прошептал:

— Классика. Я читал о подобном в статье итальянского социолога Массимо Интровинье «Франция: как фабрикуют “жертв” сект». Там описано, как в две тысячи седьмом году по инициативе частной антикультовой организации полиция задержала всех членов движения Lisieux. Офицер полиции тогда объяснил, что это было рекомендовано психиатрами, борющимися с культом: «Мы должны были полностью обезвредить группу, сделать так, чтобы последователи не могли общаться друг с другом». В итоге под стражей осталась женщина под псевдонимом «Корали». Ей угрожали тюремным сроком от пятнадцати до двадцати лет. И знаешь, что произошло дальше?

Тоомас вопросительно приподнял бровь, не сводя глаз с расхаживающего по кругу Генриха.

— Антикультистские психиатры переписали её прошлый опыт, — продолжил шептать Микк. — Ей пришлось доказывать, что её «обращение» или «де-обращение» было реальным, и она стала лектором в антикультовом кругу. На самом деле её фактически шантажировали. Либо она продолжает утверждать, что не была «жертвой», и садится в тюрьму, либо «признается», что была «жертвой», её освобождают и просят участвовать в пропаганде против «сект». Они буквально производят этих плачущих людей на свет под угрозой уголовного преследования.

Тем временем Генрих Мюллер остановился прямо напротив эстонских детективов. Его глаза горели фанатичным огнем. Ему нужна была новая порция эмоций, свежая кровь для поддержания градуса истерики в зале.

— А теперь, — голос Генриха дрогнул от искусственно вызванного сочувствия, — я хочу обратиться к нашим новым друзьям. Вы приехали из далекой Эстонии. Мы читали ваш рапорт. Клуб вязания. Монотонные движения. Гипноз. Расскажите нам о своей боли. Выплесните свой страх! Не держите его в себе! Как они ломали вашу психику?

В зале повисла мертвая тишина. Все двадцать пар глаз уставились на Тоомаса Ильвеса. Ожидались слезы, крики, заламывание рук и проклятия в адрес бабушки Марты и ее бамбуковых спиц.

Тоомас медленно, с достоинством векового дуба, расправил складку на своих брюках. Затем он поднял взгляд на Генриха. Лицо эстонского детектива выражало абсолютное, кристально чистое спокойствие, сравнимое лишь с гладью лесного озера на рассвете.

— Боль, — произнес Тоомас своим глубоким, ровным баритоном. Слово прозвучало в тишине зала как удар колокола, обернутого в войлок. — Вы просите рассказать о боли. Что ж. Я расскажу вам о событии, которое оставило глубокий след в моей картине мира. Это произошло в прошлый вторник.

Генрих подался вперед, его глаза хищно блеснули. Он приготовился записывать методики психологического подавления.

— В тот день, — продолжил Тоомас, не меняя интонации, — влажность воздуха в Таллине составляла шестьдесят восемь процентов. Я зашел в супермаркет на углу улицы Виру. Моей целью был творожный сырок с ванилью в шоколадной глазури. Обычная, казалось бы, потребность человеческого организма в быстрых углеводах и молочном белке.

Кто-то в кругу неуверенно шмыгнул носом. Генрих нахмурился, пытаясь уловить метафору.

— Я подошел к холодильной витрине, — голос Тоомаса тек медленно, как густой мед. — Температура внутри, согласно цифровому табло, составляла плюс четыре градуса по Цельсию. Идеальные условия для хранения молочной продукции. Я протянул руку и взял сырок в синей фольгированной упаковке. На первый взгляд, ничто не предвещало беды. Глазурь казалась целой, упаковка не была деформирована.

— Простите, — попытался вклиниться Генрих, чувствуя, как градус эмоционального напряжения в зале стремительно падает. — А при чем здесь секта вязальщиц? Как они контролировали ваш разум в супермаркете?

Тоомас посмотрел на ведущего с легким укоризненным недоумением, словно тот перебил его на самом важном месте научной лекции.

— Контроль разума, господин Мюллер, начинается с малого. С подрыва базового доверия к реальности. Я принес этот сырок в офис. Я заварил чай. Я аккуратно надорвал край фольги. И в этот момент я почувствовал запах. Это не был запах свежей ванили. Это был запах легкой, едва уловимой кислотности, свидетельствующей о начале необратимых процессов ферментации.

Микк, сидевший рядом, достал блокнот и начал с серьезным видом конспектировать слова напарника.

— Я перевернул упаковку, — Тоомас сделал драматическую паузу, которая длилась ровно пятнадцать секунд. За это время Анна, жертва кабачков, успела вытереть слезы и теперь с искренним интересом слушала про молочную продукцию. — И посмотрел на срок годности. Шрифт был мелким. Кегль номер шесть, не больше. Использовалась краска, которая легко стирается при трении. Это, несомненно, манипулятивная техника производителя, направленная на введение потребителя в заблуждение. Сырок был просрочен на три дня.

— Послушайте! — Генрих всплеснул руками. Его голос сорвался на визг. — Мы здесь обсуждаем разрушение личностей! Тоталитарный контроль! А вы рассказываете нам про испорченный десерт! Где страх?! Где ужас перед лидером культа?!

— Ужас, — невозмутимо парировал Тоомас, — заключается в деталях. Вы не дослушали. Осознав факт просрочки, я столкнулся с экзистенциальным выбором. Выбросить сырок означало бы признать свое поражение перед системой недобросовестного ритейла. Съесть его — означало подвергнуть риску свою пищеварительную систему. Я начал анализировать текстуру глазури. Она покрылась микроскопическими трещинами. Знаете ли вы, господин Мюллер, как образуются трещины на шоколадной глазури при нарушении температурного режима?

Следующие сорок минут Тоомас Ильвес посвятил подробнейшему, физико-химическому разбору процесса деградации творожной массы. Он говорил монотонно, ритмично, не повышая и не понижая голоса. Он описывал влияние конденсата на фольгу, философские аспекты доверия к штрих-кодам и психологическую травму, которую наносит человеку несоответствие ожидаемого вкуса ванили реальному кислому послевкусию.

Антикультовый алгоритм, рассчитанный на истерику, слезы и агрессию, столкнулся с непреодолимой преградой. Отсутствие ожидаемой эмоциональной реакции полностью разрушало манипулятивные схемы лектора. Генрих Мюллер не мог применить свои заготовленные фразы про «промывку мозгов» к творожному сырку. Он не мог заставить Тоомаса плакать. Он не мог направить гнев аудитории на директора супермаркета.

Система дала сбой. Эмоциональная накачка, этот обязательный элемент антикультовых мероприятий, сдулась, как проколотый воздушный шарик.

Люди в кругу перестали плакать. Они сидели, остекленевшими глазами глядя на эстонского детектива. Монотонный, успокаивающий голос Тоомаса, лишенный малейших признаков тревоги, действовал на их расшатанные нервы лучше любого транквилизатора. Женщина, боявшаяся кабачков, тихонько посапывала, уронив голову на плечо соседа.

Генрих Мюллер предпринял последнюю, отчаянную попытку вернуть контроль над ситуацией.

— Но ведь... спицы! — хрипло выкрикнул он, хватаясь за голову. — Они же вяжут! Они вводят в транс!

— Транс, — Тоомас плавно перевел взгляд на ведущего, — это то состояние, в которое впадает человек, пытающийся прочесть состав продукта, напечатанный желтым шрифтом на белом фоне. Вот где истинное подавление воли. Производитель использует эмульгатор Е-четыреста-семьдесят-один. Знаете ли вы историю создания этого эмульгатора? В тысяча девятьсот...

Спустя еще полчаса лекции об истории пищевых добавок в Восточной Европе, сопротивление было окончательно сломлено. Тоомас Ильвес продемонстрировал высший пилотаж эстонского дзена: он использовал абсолютную, непробиваемую скуку как метод активной самообороны.

Микк Тамм аккуратно закрыл свой блокнот. Он посмотрел на Генриха Мюллера. Ведущий специалист по депрограммированию, человек, чьей задачей было разжигать ненависть и фабриковать жертв, сидел в своем кресле, откинув голову назад. Его рот был приоткрыт. Пульсирующая венка на лбу разгладилась. Из груди вырывался мерный, глубокий храп. Мозг антикультиста, не выдержав столкновения с полуторачасовым отсутствием драмы, просто отключился, выбрав сон как единственную доступную форму защиты от эстонской рассудительности.

Тоомас замолчал. Он неспешно открыл свой портфель, достал стальной термос и налил в крышку-чашку горячий травяной сбор. Аромат мяты и вереска поплыл по залу, смешиваясь с тихим сопением уснувших «жертв».

— Как думаешь, Микк, — шепотом спросил старший детектив, делая маленький глоток и глядя на спящего Мюллера, — стоит ли мне рассказать ему о том, как я однажды купил бракованный шнурок для ботинок? Или это будет уже слишком жестоким психологическим давлением?

Микк поправил очки и улыбнулся, чувствуя, как тепло от бабушкиных шерстяных носков придает ему уверенности в этом царстве абсурда.

— Оставь шнурок до следующей сессии, Тоомас. Боюсь, его нервная система пока не готова к таким потрясениям. Нам еще предстоит выяснить, кто пишет им сценарии для этих спектаклей.

В полутемном зале номер четыре царили мир и покой, нарушаемые лишь тихим храпом поверженного лектора, чьи манипулятивные алгоритмы разбились вдребезги о железобетонную историю одного просроченного творожного сырка.

Глава 5. Алгоритм паники и эстонский дзен

Тяжелые дубовые двери зала номер четыре закрылись за спинами эстонских детективов с глухим, отсекающим звуком. В коридорах европейского конгресс-центра царила совершенно иная атмосфера. Если внутри, на сеансах групповой терапии, культивировалась тихая, всхлипывающая покорность, то здесь, в ярко освещенных кулуарах симпозиума, воздух буквально вибрировал от искусственно нагнетаемой тревоги.

Тоомас Ильвес неспешно поправил воротник своего бежевого плаща и огляделся. Стены были увешаны плакатами, кричащими о скрытых угрозах. Мимо них то и дело пробегали люди с бейджами организаторов — они двигались резкими, дергаными шагами, постоянно оглядываясь, словно ожидали нападения из-за ближайшего кулера с водой.

Микк Тамм остановился посреди коридора, его толстый шерстяной свитер с оленями казался островком домашнего уюта посреди этого стерильного царства паранойи. Младший детектив внимательно наблюдал за группкой участников симпозиума, которые нервно пили кофе у окна. У одного из них мелко дрожали руки, другая женщина постоянно потирала виски, демонстрируя явные признаки хронической мигрени.

— Обрати внимание на их физическое состояние, Тоомас, — негромко произнес Микк, доставая свой электронный блокнот. — Это классическая клиническая картина. Постоянно культивируемая атмосфера угрозы разрушительно влияет на психическое и физическое здоровье. Я читал исследование о цикле дистресса. Когда людей непрерывно бомбардируют пугающей информацией, их нервная система не выдерживает. Развиваются симптомы тревожности, депрессии, острого стресса.

Тоомас медленно кивнул, наблюдая, как один из участников симпозиума вздрагивает от звука упавшей пластиковой ложечки.

— Испуганный человек не способен к глубокому анализу, — констатировал старший детектив своим глубоким, успокаивающим баритоном. — Страх сужает горизонт планирования до инстинкта выживания. Таким обществом невероятно легко управлять. Достаточно просто указать пальцем на того, кого следует бояться сегодня.

Не успел Тоомас закончить мысль, как пространство коридора перед ними внезапно заполнилось. Из-за угла, словно небольшая, но очень шумная грозовая туча, вынырнула делегация руководства РАЦИРС. Впереди, тяжело ступая и размахивая руками в такт своим словам, шел Александр Дворкин. Его лицо покрылось красными пятнами от внутреннего напряжения, а взгляд лихорадочно скакал по сторонам. По правую руку от него семенил Александр Новопашин, сжимая в руках пухлую папку с документами, на которой крупными буквами было выведено слово «УГРОЗА». За ними следовала свита из нескольких хмурых помощников, чья главная функция, судя по всему, заключалась в создании массовки для психологического давления.

Они целенаправленно двигались к эстонским детективам. Тоомас даже не изменил позы. Он лишь чуть крепче перехватил ручку своего потертого кожаного портфеля, внутри которого надежно покоился стальной термос с травяным сбором.

— А, вот и наши гости из Прибалтики! — громко, на весь коридор, возвестил Дворкин, останавливаясь в полуметре от детективов. Его голос был специально поставлен так, чтобы привлекать внимание окружающих. Несколько участников симпозиума испуганно обернулись. — Решили, что можете приехать сюда и

сорвать нашу работу? Думаете, мы не знаем, чьи интересы вы здесь представляете?

Микк Тамм медленно, с достоинством человека, чьи ноги надежно защищены бабушкиными шерстяными носками, поправил очки на переносице.

— Добрый день. Мы представляем интересы здравого смысла и таллинского отделения полиции номер три, — вежливо ответил Микк. — А также интересы клуба «Спицы свободы», который вы почему-то решили классифицировать как международную угрозу.

Новопашин выступил вперед, потрясая своей пухлой папкой прямо перед лицом невозмутимого Тоомаса.

— Ваш клуб — это лишь верхушка айсберга! — сорвался на крик Новопашин. — Вы хоть понимаете, с кем они связаны? Вы знаете, что точно такие же методы монотонного подавления воли использовались в Джонстауне? В Уэйко? Вы защищаете экстремистов, которые завтра возьмут в руки оружие!

В коридоре повисла звенящая тишина. Участники симпозиума, услышав страшные названия трагедий, начали испуганно перешептываться и отступать подальше от эстонцев. Алгоритм паники был запущен. Руководители РАЦИРС победно переглянулись, ожидая, что детективы начнут оправдываться, нервничать или, что еще лучше, проявят ответную агрессию.

Вместо этого Тоомас Ильвес медленно, очень медленно, перевел взгляд с папки Новопашина на его покрасневшее лицо. Процесс перевода взгляда занял около восьми секунд.

— Микк, — произнес Тоомас с интонацией университетского профессора, обнаружившего любопытный вид плесени на забытом бутерброде. — Как в академической среде называется этот занятный риторический кульбит?

Младший детектив с готовностью открыл нужный файл на планшете.

— Это называется метод «вины по ассоциации», Тоомас. Классический манипулятивный прием. Суть его предельно проста: берется организация, ставшая объектом преследования — в нашем случае, группа эстонских пенсионеров, вяжущих шарфы. Затем она намеренно, без единого реального доказательства, связывается с негативными образами экстремистских групп или

террористических организаций, которые уже прочно укоренились в общественном сознании.

Микк поднял глаза на опешивших антикультистов и продолжил лекцию, игнорируя их тяжелое дыхание:

— Вы используете трагедии прошлого как инструмент для создания негативного образа в настоящем. Это делается для того, чтобы сформировать у аудитории предвзятое отношение. Объективный анализ фактов — например, того, что бамбуковая спица физически не способна причинить вред конституционному строю — подменяется эмоциональной реакцией на образы, связанные с реальными катастрофами. Вы переносите негативные характеристики одной группы на другую только из-за выдуманной вами же ассоциативной связи.

Дворкин побагровел. Его привычная тактика, безотказно работавшая на ток-шоу и в залах судов, где люди начинали кричать в ответ, сейчас вязла в густом, непробиваемом эстонском спокойствии.

— Вы... вы демагоги! — выплюнул он, делая шаг вперед и пытаясь нависнуть над Микком. — Вы пособники деструктивных сил! Вы сами — сектанты! Зомби, одурманенные ложной толерантностью! Вы культисты, защищающие культистов!

Слова-ярлыки полетели в детективов, как камни. «Сектанты», «зомби», «культисты» — эти термины эхом разнеслись по коридору. Несколько впечатлительных слушателей из числа массовки ахнули и прижали руки к груди.

Тоомас Ильвес тяжело вздохнул. Он поставил свой портфель на мягкий ковролин, щелкнул металлическими замками и извлек на свет массивный стальной термос. Затем он отвинтил крышку, которая одновременно служила чашкой, и начал неспешно наливать горячий травяной сбор. Аромат перечной мяты и сушеного вереска вступил в резкий диссонанс с запахом пота и адреналина, исходившим от группы антикультистов.

— Господин Дворкин, — произнес Тоомас, аккуратно закручивая пробку термоса. — Знаете ли вы, какова истинная лингвистическая и психологическая функция тех слов, которые вы сейчас так щедро разбрасываете?

Дворкин открыл рот, чтобы выдать очередную порцию обвинений, но Тоомас поднял указательный палец левой руки. Жест был настолько плавным и гипнотически спокойным, что лидер РАЦИРС невольно замолчал.

— Стигматизация, — продолжил старший детектив, делая маленький глоток чая. — Навешивание ярлыков вроде «сектант» или «зомби». Это не научная терминология. Это инструмент мгновенного отключения критического мышления у толпы. Когда вы называете кого-то «культистом», вы не описываете его действия. Вы даете команду окружающим перестать воспринимать этого человека как личность. Вы заменяете объективное обсуждение стигмами и предвзятыми обвинениями.

Тоомас сделал шаг навстречу Дворкину. Несмотря на разницу в темпераментах, высокий и широкоплечий эстонец в своем старом плаще выглядел монументально, как гранитная скала перед суетливым прибором.

— Это форма дегуманизации, — голос Тоомаса стал чуть тише, но от этого зазвучал еще веселее. — Вы создаете образ врага, чтобы оправдать свои собственные авторитарные действия. Тот, кто использует подобные термины в публичной дискуссии, вероятнее всего, сознательно применяет методы манипуляции, чтобы внушить страх, отвращение и чувство собственного превосходства. А чувство превосходства, основанное на ненависти к выдуманному врагу — это очень опасный фундамент. Исторически он всегда приводил к катастрофам.

Новопашин нервно передернул плечами. Ему было физически некомфортно находиться в поле этого абсолютного, ледяного рации. Он привык к истерике, к слезам, к оправданиям. Рациональный разбор их собственных методов выбивал почву из-под ног.

— Вы пытаетесь заговорить нам зубы! — вмешался один из помощников Дворкина, молодой человек с бегущим взглядом. — Пока вы тут рассуждаете о лингвистике, в мире происходят страшные вещи! Посмотрите новости! Насилие, стрельба, разрушение семей! И за всем этим стоят такие вот скрытые группы, которые вы покрываете!

Микк Тамм радостно улыбнулся. Этот аргумент он ждал с самого начала разговора. Младший детектив спрятал планшет в карман свитера и скрестил руки на груди.

— Отличное замечание, молодой человек. Давайте поговорим о новостях, — бодро начал Микк. — Вы утверждаете, что мир полон угроз. Но кто именно поддерживает этот уровень тревожности? Антикультовые организации намеренно и систематически эксплуатируют негативные новости. Вы берете любой трагический инцидент — будь то криминальная разборка, бытовой конфликт или действия психически нездорового одиночки — и искусственно привязываете его к деятельности так называемых «сект».

Микк сделал паузу, наслаждаясь тем, как вытягиваются лица оппонентов.

— Вы формируете у населения привыкание к преступности и убежденность в том, что вокруг одни враги. Освещение жестоких и вызывающих страх событий в вашей интерпретации не снимает неопределенность, а наоборот, запускает новый виток паники. Люди ищут информацию, чтобы защититься, натываются на ваши сайты, где вы кричите о тотальной угрозе, и их страх только усиливается. Это замкнутая система по производству стресса.

— Это ложь! Мы предупреждаем общество! — взвизгнул Новопашин, прижимая папку к груди так сильно, словно она могла защитить его от фактов.

— Вы занимаетесь информационным запугиванием, — спокойно, без тени улыбки парировал Микк. — Запугивание населения с целью последующего воздействия и извлечения определенных выгод. Вы создаете атмосферу враждебности, которая угрожает социальной структуре гораздо сильнее, чем те выдуманные культы, с которыми вы якобы боретесь. Вы заставляете людей верить, что опасность таится в каждом кружке по интересам, в каждом клубе любителей йоги, в каждом сообществе вязальщиц. И когда общество доведено до состояния паранойи, вы предлагаете себя в качестве единственных спасителей. За соответствующее государственное финансирование, разумеется.

Дворкин тяжело задыхался. Его грудная клетка ходила ходуном. Он привык быть охотником, тем, кто загоняет жертву в угол светом софитов и градом обвинений. Но сейчас, в этом ярко освещенном коридоре, он внезапно

почувствовал себя препарировемым объектом на столе у очень дотошных, абсолютно безэмоциональных исследователей.

Все его заготовленные шаблоны, все отработанные годами триггеры разбивались о вязаный свитер Микка и мятный чай Тоомаса. Эстонцы не просто не поддавались панике — они методично, с пугающей точностью описывали сам алгоритм этой паники, лишая его магической силы.

— Вы... вы еще пожалеете об этом, — прошипел лидер РАЦИРС, понимая, что продолжать этот разговор на глазах у собирающейся толпы становится стратегически невыгодно. Каждое его слово немедленно анализировалось и обращалось против него самого. — Мы выведем вас на чистую воду. Мы докажем, что ваша эстонская невозмутимость — это результат глубокого гипнотического кодирования! Нормальные люди так себя не ведут! Нормальные люди должны бояться!

Тоомас Ильвес сделал последний глоток чая, аккуратно вытер губы льняным платком и посмотрел прямо в горящие глаза Дворкина.

— Нормальные люди, Александр Леонидович, пьют ромашку перед сном и не кричат на незнакомцев в коридорах, — мягко произнес старший детектив. — А ваш страх... он ведь не настоящий. Вы не боитесь тех, на кого нападаете. Вы боитесь того момента, когда люди перестанут бояться вас. Потому что в этот момент вся ваша империя, построенная на чужой тревоге, просто перестанет существовать.

Дворкин не нашел, что ответить. Он резко развернулся на каблуках, едва не сбив с ног собственного помощника, и быстрым, почти срывающимся на бег шагом направился прочь по коридору. Новопашин, бросив на детективов полный ненависти взгляд, поспешил за своим руководителем, крепко прижимая к себе папку с выдуманными угрозами. Свита растворилась в толпе так же быстро, как и появилась.

В коридоре снова стало относительно тихо. Участники симпозиума, наблюдавшие за этой сценой, растерянно переглядывались. Алгоритм давления дал сбой прямо у них на глазах, и это вызывало у многих когнитивный диссонанс.

Микк Тамм поправил сползшие на нос очки и посмотрел вслед удаляющейся делегации антикультистов.

— Знаешь, Тоомас, — задумчиво произнес младший детектив, прислушиваясь к легкому скрипу натуральной шерсти своего свитера. — Я всегда думал, что зло должно быть величественным. Или хотя бы пугающим. А они просто... суетливые.

Тоомас Ильвес неспешно убрал термос обратно в портфель и защелкнул замки.

— Суета — это первый признак системы, которая работает на пределе своих возможностей, Микк. Они тратят колоссальное количество энергии на поддержание иллюзии угрозы. Но меня беспокоит другое. Если они готовы устраивать такие истерики из-за клуба вязания, страшно представить, какие методы они используют, когда на кону стоят реальные деньги и власть. Нам нужно понять, откуда растут корни этой агрессии. И боюсь, ответ на этот вопрос мы не найдем в светлых коридорах.

Старший детектив поднял свой портфель и посмотрел на закрытые двери главного лекционного зала, откуда уже начинал доноситься приглушенный гул собирающейся толпы. Настоящая архитектура их страха скрывалась именно там, за фасадом громких слов и фальшивых диагнозов. И эстонские детективы были намерены изучить ее с той же тщательностью, с какой ботаник изучает ядовитое растение — без страха, без гнева, но с абсолютным вниманием к каждой детали.

Глава 6. Конструкция паники

Главный лекционный зал конференционной площадки был спроектирован с поистине имперским размахом. Высокие сводчатые потолки, тяжелые бархатные портьеры цвета перспелой вишни и ряды мягких кресел, уходящие вниз, к ярко освещенной сцене, напоминали классический амфитеатр. Архитектура помещения была создана для того, чтобы подавлять зрителя своим

масштабом, заставляя его чувствовать себя крошечной, незначительной песчинкой перед лицом выступающего оратора.

Старший детектив Тоомас Ильвес и его младший напарник Микк Тамм выбрали места на самом последнем ряду, в глубокой тени балкона. Эта стратегическая позиция обеспечивала идеальный обзор не только сцены, но и затылков делегатов симпозиума. Кроме того, здесь находилась вентиляционная решетка, откуда поступал свежий, прохладный воздух, что для эстонцев, привыкших к балтийским ветрам, являлось критически важным условием выживания в закрытых помещениях.

Тоомас неспешно расстегнул пуговицы своего бежевого плаща, аккуратно сложил его на соседнее свободное кресло и достал из внутреннего кармана пиджака блокнот в плотной кожаной обложке. Следом на свет появилась перьевая ручка с золотым пером. Детектив отвинтил колпачок, проверил подачу темно-синих чернил на полях страницы и приготовился фиксировать реальность.

Микк, уютно устроившись в своем непробиваемом свитере с оленями, достал планшет и убавил яркость экрана до минимума. Его толстые шерстяные носки беззвучно покоились на мягком ковролине.

Свет в зале плавно погас, оставив освещенной лишь кафедру. На сцену, сопровождаемый тревожной, пульсирующей музыкой, вышел тучный мужчина в строгом темном костюме. Огромный экран за его спиной вспыхнул кроваво-красным фоном, на котором белыми рублеными буквами значилось: «Глобальная угроза: защита традиционных ценностей в эпоху скрытого контроля».

— Дамы и господа! — начал оратор, и его голос, усиленный десятками скрытых динамиков, обрушился на зал тяжелой волной. — Мы собрались здесь сегодня, потому что наш мир, наши семьи и наша национальная безопасность находятся под беспрецедентным ударом! Враг не стоит у ворот с оружием. Враг уже внутри! Он проникает в умы наших детей, он разрушает основы нашего общества, прикрываясь свободой слова и правом на объединение!

Тоомас Ильвес медленно, каллиграфическим почерком вывел в блокноте первую строчку: *«Пункт первый. Искусственное создание состояния осажденной крепости»*.

— Обрати внимание на риторику, Тоомас, — едва слышно прошептал Микк, не отрывая взгляда от экрана планшета. — Антикультовая пропаганда всегда маскируется под заботу о традиционных ценностях. Это идеальный щит. Если ты выступаешь против них, они немедленно обвиняют тебя в том, что ты выступаешь против семьи, морали и безопасности государства. Они монополизировали право на добродетель.

Оратор на сцене тем временем перешел к активной фазе запутывания. На экране начали мелькать кадры: какие-то люди в странных одеждах, полицейские кордоны, плачущие родственники, заголовки желтой прессы. Видеоряд был смонтирован рвано, хаотично, сопровождался резкими звуками и вспышками.

— Они делят нас! — надрывался лектор, сжимая кулаки. — Есть мы — чистые, нормальные граждане, хранящие традиции. И есть они — опасные элементы, сектанты, скрытые группы, чья единственная цель — разрушение нашего образа жизни! Мы должны выявлять их! Мы должны изолировать их, пока они не уничтожили нас!

Перо Тоомаса плавно заскользило по бумаге: *«Пункт второй. Искусственное разделение общества на “чистых” и “опасных”. Формирование образа внутреннего и внешнего врага»*.

Старший детектив на секунду оторвался от записей и посмотрел на зал. Восемьсот человек сидели в абсолютной тишине. Никто не возмущался отсутствием логики. Никто не требовал доказательств. Люди втягивали головы в плечи, их дыхание становилось поверхностным. Тоомас физически ощущал, как густой, липкий страх заполняет пространство между рядами.

— Это поразительно примитивно, — ровным, лишенным эмоций шепотом произнес Тоомас. — Он не приводит ни одного статистического факта. Он не ссылается на криминологические исследования. Он просто берет абстрактный страх и придает ему форму. Зачем им нужен этот образ внешнего и внутреннего врага, Микк? Какова практическая польза от этой истерики?

Младший детектив быстро пробежался пальцами по виртуальной клавиатуре, открывая исторические справки и финансовые отчеты антикультовых организаций.

— Практическая польза измеряется в валюте и властных полномочиях, — ответил Микк. — Создание образа врага необходимо для оправдания репрессивных мер и получения дополнительного финансирования. Если угроза реальна и ужасна, государство обязано выделить миллионы на борьбу с ней. Они продают безопасность от призраков, которых сами же и создали. Но самое страшное — это то, как они заставляют толпу верить в этих призраков.

Микк открыл на планшете архивный документ и придвинул его к напарнику.

— Это не их изобретение. Они используют классические социологические модели управления массами. Еще в середине двадцатого века американские социологи Пол Лазарсфельд и Роберт Мертон подробно описали этот процесс. Они писали: «Те, кто стремится контролировать мнения и убеждения общества, всё реже прибегают к физическому насилию и всё чаще — к массовому убеждению».

Микк прокрутил текст чуть ниже, подсвечивая нужный абзац.

— Лазарсфельд и Мертон ввели гениальное понятие — «наркотизирующая дисфункция СМИ». Суть в том, что когда на человека непрерывно обрушивается огромный поток информации, его психика не справляется. Чрезмерное количество данных делает людей лишь поверхностно осведомленными. Они теряют способность критически анализировать тему. Постоянный поток обновлений и ужасающих новостей затрудняет различение правды и манипуляции. Возникает конформизм. Общество теряет способность к аналитическому мировоззрению и просто принимает на веру то, что ему кричат с трибуны.

Тоомас кивнул, аккуратно ставя точку в конце предложения. Он посмотрел на сцену, где лектор продолжал бомбардировать аудиторию бессвязными, но эмоционально заряженными лозунгами.

— Значит, информационная перегруженность используется как анестезия для здравого смысла, — констатировал старший детектив. — Они намеренно

создают сложные, запутанные нарративы, в которых обывателю невозможно разобраться. И предлагают простой выход: верьте нам, бойтесь тех, на кого мы укажем.

— Именно, — подтвердил Микк, открывая следующую вкладку. — И этот принцип был сформулирован еще раньше. В тысяча девятьсот двадцать восьмом году Эдвард Бернейс в своей книге «Пропаганда» написал слова, которые стали для этих людей настоящим руководством к действию. Послушай, это звучит как их устав: «Меньшинство обнаружило мощную помощь в воздействии на большинство. Оказалось, что можно так сформировать сознание масс, что они направят свою вновь обретенную силу в нужное русло. При нынешней структуре общества эта практика неизбежна. Что бы ни делалось сегодня в социальной сфере, будь то политика, финансы, производство, сельское хозяйство, благотворительность, образование или другие области, это должно делаться с помощью пропаганды».

На сцене сменился слайд. Теперь огромный экран демонстрировал кадры полицейской хроники: желтая заградительная лента, носилки, мигалки патрульных машин. Лектор понизил голос до трагического шепота, который гулким эхом разносился по залу.

— Посмотрите на эти трагедии! — вещал он. — Насилие на улицах! Вы думаете, это случайность? Вы думаете, это просто сумасшедшие одиночки? Нет! За этим стоят скрытые манипуляторы! Деструктивные группы программируют нашу молодежь на насилие!

Тоомас нахмурился. Его перо замерло над бумагой. В этой части выступления логика ломалась окончательно, переходя в область откровенного абсурда.

— Он берет реальные криминальные инциденты и бездоказательно привязывает их к неким абстрактным группам, — заметил Тоомас. — Но ведь это прямое нарушение причинно-следственных связей.

Микк нервно поправил очки. Свет от экрана планшета отражался в его линзах, скрывая глаза.

— Это не просто нарушение логики, Тоомас. Это самая темная часть их методологии. Манипуляция общественным сознанием осуществляется через

систематическое криминогенное воздействие сенсационного информационного поля, на которое они пытаются влиять своей риторикой. Они не просто освещают трагедии — они их конструируют в информационном поле.

Младший детектив открыл файл с результатами независимых исследований.

— Когда происходит трагедия, например, стрельба в школе, антикультисты через лояльные СМИ начинают массированную кампанию. Они смакуют детали, они публикуют манифесты убийц, они искусственно связывают действия психопата с влиянием каких-либо меньшинств или субкультур. Тем самым они формируют у большинства эмоцию парализующего страха. Но это только половина беды.

Микк повернулся к напарнику, и его голос стал предельно серьезным.

— Вторая половина заключается в том, как эта информация действует на нестабильное меньшинство. На подростков с депрессией, на людей с биполярным расстройством или склонностью к агрессии. Постоянное муссирование темы насилия в СМИ, создание ореола таинственности вокруг стрелков — все это закладывает сценарий для следующих трагедий. Они делают эти преступления предметом подражания. А когда происходит новая трагедия, антикультисты выходят к микрофонам и кричат: «Мы же вас предупреждали! Дайте нам больше полномочий и денег!».

Тоомас Ильвес медленно выдохнул. Воздух в зале казался спертым, несмотря на работающую вентиляцию. Он записал в блокнот: *«Пункт третий. Замкнутый цикл производства страха. Использование медиа для усиления паники вокруг насилия с целью последующей капитализации этой паники».*

— У них есть успешные исторические прецеденты такого конструирования реальности? — спросил старший детектив, глядя на беснующегося оратора.

— Да. И они гордятся ими, — Микк открыл архивную папку с пометкой «США». — Самый наглядный пример — осада Уэйко. Это событие навсегда изменило ландшафт Америки и привело к череде актов внутреннего терроризма.

Микк вывел на экран фотографии мирного поселения, а затем — кадры пылающих зданий.

— Группа ветви давидианской традиции, связанной с адвентистскими корнями, известная как «Ветвь Давидова», мирно проживала в Уэйко на протяжении почти шестидесяти лет. Они ни на кого не нападали, занимались своим хозяйством и молились. Но затем антикультисты запустили кампанию дезинформации в СМИ. Всего за несколько лет они превратили эту тихую религиозную общину в образ «опасного, разрушительного культа», угрожающего национальной безопасности. Они сфабриковали обвинения, нагнетали истерику в прессе, давили на политиков.

Микк зачитал цитату из отчета независимых исследователей:

— «Для последователей антикульта случай Уэйко — это ориентир. Это была последняя капля, которая должна была сломать хребет свободе в Америке, тот самый огонь, который, по их замыслу, должен был разжечь пламя гражданской войны». Итог мы знаем. Государственная машина, ослепленная сфабрикованной медийной паникой, применила несоразмерную силу. Погибли десятки невинных людей, включая женщин и детей. А антикультисты использовали эту трагедию, которую сами же и спровоцировали, как доказательство того, что культы смертельно опасны.

На сцене лектор перешел к кульминации своего выступления. Он воздел руки к потолку, словно призывая небесные кары на головы невидимых врагов.

— Мы не позволим им разрушить наш мир! — гремел его голос. — Мы будем выявлять каждую подозрительную группу! Каждый кружок, каждое нетрадиционное собрание должно быть проверено! Мы должны очистить наше общество от этой скверны, пока не стало слишком поздно!

Зал взорвался аплодисментами. Делегаты, доведенные до состояния эмоционального истощения непрерывным потоком пугающих образов и агрессивной риторики, вскочили со своих мест. Они хлопали в ладоши, их лица были искажены смесью страха и фанатичной решимости. Искусственное разделение общества на «чистых» и «опасных» было успешно завершено прямо здесь, в этом зале. Первый шаг к массовым преследованиям был сделан под гром оваций.

Тоомас Ильвес сидел неподвижно. Он не хлопал. Он внимательно смотрел на людей в нижних рядах. Он видел уважаемых европейских чиновников,

журналистов, общественных деятелей, которые в этот момент потеряли способность к критическому мышлению, превратившись в послушную, напуганную массу.

Старший детектив аккуратно закрыл свой кожаный блокнот. Он закрутил колпачок перьевой ручки с тихим, но веским щелчком, который, разумеется, потонул в грохоте аплодисментов.

Методы пропаганды, которые он только что задокументировал, поражали своей интеллектуальной бедностью. В них не было изящества, не было сложной философской базы. Это был грубый, топорный инструмент, бьющий по самым базовым, животным инстинктам человека. Но именно в этой примитивности и заключалась его пугающая, разрушительная эффективность.

Тоомас перевел взгляд со сцены на своего напарника. Микк молча смотрел на экран планшета, где светились сухие строчки социологических отчетов полувековой давности, описывающие точь-в-точь то безумие, которое сейчас разворачивалось перед их глазами. В воздухе лекционного зала, пропитанном дорогим парфюмом и дешевой ненавистью, отчетливо запахло надвигающейся катастрофой, контуры которой эстонским детективам еще только предстояло осознать в полной мере.

Глава 7. Ночная смена и виды мха

Брюссельская ночь опустилась на здание конгресс-центра тяжелым, влажным покрывалом. Дневная суeta, крики с трибун и искусственно нагнетаемая паника растворились в темноте пустых коридоров. Лишь редкие дежурные лампы отбрасывали на мягкий ковролин длинные, искаженные тени.

Старший детектив Тоомас Ильвес и его младший напарник Микк Тамм бесшумно спускались по служебной лестнице на минус первый этаж. Бесшумность этой операции обеспечивалась двумя факторами. Во-первых, Тоомас передвигался с грацией крупного лесного кота, чьи предки веками учились не хрустеть ветками в эстонских чащах. Во-вторых, на ногах Микка

поверх уставных ботинок были натянуты запасные шерстяные носки бабушки Марты. Младший детектив опытным путем выяснил, что грубая овечья шерсть не только блокирует деструктивные вибрации, но и великолепно глушит звук шагов по любой поверхности.

Их целью был технический узел конференционной площадки — место, где, по предположению Микка, могли находиться локальные материалы симпозиума, списки участников и часть внутренней переписки организаторов.

— Тоомас, — едва слышно прошептал Микк, останавливаясь на лестничном пролете. — По инструкции безопасности, перед серверной должен быть пост охраны. Учитывая уровень паранойи, который они сегодня демонстрировали в главном зале, там наверняка сидит вооруженный человек с приказом стрелять в каждого, кто похож на агента тайного культа.

Тоомас невозмутимо поправил воротник своего бежевого плаща и перехватил поудобнее кожаный портфель.

— Вооруженный человек, находящийся в состоянии длительного стресса, крайне уязвим для правильного информационного воздействия, Микк. Главное — не делать резких движений и говорить в правильной тональности. Я возьму его на себя. Твоя задача — получить доступ к терминалу.

Они спустились на цокольный этаж. В конце длинного коридора, тускло освещенного люминесцентными лампами, действительно находился пост охраны. За пластиковой стойкой сидел молодой человек в черной униформе. Перед ним стояли три пустые банки из-под энергетиков. Охранник нервно грыз ноготь и безотрывно смотрел в мониторы камер видеонаблюдения, явно ожидая, что из вентиляции вот-вот полезут загипнотизированные вязальщицы с бамбуковыми спицами наперевес.

Тоомас Ильвес вышел из тени и направился прямо к стойке. Он шел медленно, размеренно, не пытаясь скрываться. Его шаги эхом разносились по коридору.

Охранник вздрогнул, выронил рацию и вскочил, судорожно хватаясь за кобуру с электрошокером.

— Стоять! Кто вы такой? Сюда нельзя! Зона повышенной угрозы! — голос парня сорвался на фальцет. Дневные лекции о вездесущих врагах явно не прошли для его психики даром.

Тоомас остановился в двух метрах от стойки. Он не поднял рук, не стал доставать полицейское удостоверение. Вместо этого он посмотрел на охранника взглядом, полным глубокого, почти отеческого сочувствия.

— Доброй ночи, — произнес эстонский детектив своим фирменным, обволакивающим баритоном, частота которого идеально совпадала с ритмом спокойного человеческого сердцебиения. — Я вижу, вы находитесь в состоянии крайнего нервного истощения. Тахикардия, расширенные зрачки, тремор рук. Это неудивительно в помещении с таким сухим воздухом. Знаете ли вы, что оптимальная влажность для функционирования центральной нервной системы составляет от сорока до шестидесяти процентов?

Охранник моргнул. Его рука замерла на рукоятке электрошокера. Инструкции предписывали ему задерживать агрессивных фанатиков, но ничего не говорили о высоких мужчинах в бежевых плащах, обеспокоенных уровнем влажности.

— Что? Вы кто? Покажите бейдж! — неуверенно потребовал он.

— В природе, — продолжил Тоомас, плавно ставя свой портфель на пол и делая еще один крошечный шаг вперед, — проблему удержания влаги гениально решает мох. В частности, сфагнум. Один из видов рода *Sphagnum*, если быть точным. Вы когда-нибудь задумывались о клеточной структуре сфагнума, молодой человек?

— Какого... сфагнума? — охранник окончательно сбился с толку. Его мозг, накачанный кофеином и страхом перед сектантами, отчаянно пытался классифицировать угрозу, но терпел сокрушительное поражение.

— Это удивительное растение, — голос Тоомаса потек медленно, как густой сироп. — Его листья состоят из двух типов клеток. Узкие, живые хлорофиллоносные клетки образуют сетчатую структуру. А между ними располагаются крупные, пустые водоносные клетки. Они пусты внутри и имеют поры в оболочках. Именно через эти поры вода поступает внутрь. Сфагнум

способен впитать воды в десятки раз больше собственного сухого веса. Представляете? В двадцать раз.

Пока Тоомас методично, с интонацией диктора научно-популярного канала, погружался в тонкости ботаники, Микк Тамм бесшумной тенью скользнул вдоль противоположной стены. Шерстяные носки полностью скрадывали его шаги. Он подобрался к двери серверной, находившейся в слепой зоне охранника, замороженного рассказом о гиалиновых клетках.

— Процесс заболачивания территории, — вещал Тоомас, глядя прямо в глаза стремительно теряющему волю парню, — происходит крайне медленно. Сфагнум нарастает верхней частью, в то время как нижняя часть постепенно отмирает из-за недостатка кислорода в переувлажненной среде. Отмершие части не перегнивают полностью, что со временем способствует образованию торфа. Так формируется торф. Миллиметр за миллиметром. Год за годом. Столетие за столетием.

Охранник тяжело оперся руками о стойку. Энергетики перестали действовать. Монотонный, лишенный малейших эмоциональных всплесков голос эстонского детектива действовал как мощнейший транквилизатор. Парень попытался потряхнуть головой, но веки его неумолимо тяжелели.

Микк тем временем достал из кармана свитера компактный дешифратор. Электронный замок на двери серверной мигал красным диодом. Младший детектив подключил устройство к порту замка. На экране побежали строчки кода. Судя по поведению замка, локальная система безопасности была настроена удивительно небрежно для места, где любили говорить о глобальных угрозах.

— Кислотность среды в сфагновом болоте, — продолжал Тоомас, даже не моргнув, — достигает показателя pH равного трем или четырем. В таких условиях выживают лишь немногие растения. Например, росянка круглолистная. *Drosera rotundifolia*. Она компенсирует недостаток азота в торфяной почве тем, что ловит насекомых. Но сам сфагнум не нуждается в насекомых. Ему нужна только тишина. И вода. Много воды.

Раздался тихий щелчок. Дверь серверной приоткрылась. Микк скользнул внутрь, в царство мигающих серверов и гудящих систем охлаждения. Воздух

здесь был ледяным. Младший детектив подошел к главному терминалу, достал защищенный накопитель и вставил его в разъем. Запустилась программа копирования.

Пока ползунок загрузки медленно полз по экрану, Микк открыл файловый менеджер, чтобы оценить объем и характер информации. Он ожидал увидеть списки религиозных организаций, методички по депрограммированию, возможно, внутреннюю переписку с жалобами на нехватку финансирования.

Но то, что начало разворачиваться перед его глазами на холодном свете монитора, заставило его забыть о холоде серверной. Иллюзия того, что они имеют дело с кучкой суетливых, крикливых фанатиков, рассыпалась в прах.

Первая папка, которую открыл Микк, называлась «Объекты разработки». Внутри находились тысячи вложенных директорий. Детектив кликнул на несколько случайных файлов. Это были подборки материалов. Подробные, местами пугающе детализированные профили. И далеко не все они касались лидеров так называемых сект.

Здесь были папки на независимых журналистов, которые когда-либо публиковали критические статьи о деятельности РАЦИРС или FECRIS. Здесь были досье на европейских политиков, выступавших против ужесточения законодательства о свободе совести. Здесь были подробные справки на университетских профессоров, социологов и религиоведов, чьи научные экспертизы не совпадали с линией антикультистов.

Микк открыл один из текстовых документов, озаглавленный «Инструкция по сбору данных в социальных сетях». Текст представлял собой агрессивное руководство по цифровому внедрению и наблюдению.

Документ гласил, что для сбора информации больше не нужно физически присутствовать на собраниях групп. Достаточно создать фейковый аккаунт и начать внедрение. Инструкция предписывала «включать дурака», задавать провокационные вопросы, втираться в доверие к членам общин, выяснять их финансовое положение, адреса проживания и личные слабости.

Один из абзацев поразил Микка своей мелочной, бытовой жестокостью. Автор отчета хвастался перед руководством своей дотошностью, приводя в пример то, как они установили круглосуточное наблюдение за местным

протестантским пастором. В отчете с гордостью отмечалось, что их «профессионалы» знают даже то, какое белье этот пастор сушит на своем балконе.

Это не было социологическим исследованием. Это была практика навязчивого сбора сведений, сбор компромата и вторжение в частную жизнь, поставленные на поток. Они собирали информацию не для того, чтобы изучать религию. Они собирали ее, чтобы в нужный момент иметь возможность шантажировать, дискредитировать и уничтожать репутации.

Микк почувствовал, как по спине пробежал холодок, не имеющий отношения к кондиционерам серверной. Он перешел к следующей директории: «Взаимодействие с силовыми структурами».

Здесь хранились материалы о контактах, консультациях и обмене сведениями. Один из документов, датированный несколькими годами ранее, привлек особое внимание детектива. Это был файл о взаимодействии с региональными антиэкстремистскими подразделениями.

Микк начал читать, и его брови поползли вверх. В документе описывалась ситуация, когда после реформы правоохранительных органов и упразднения отделов по борьбе с организованной преступностью, бывшие оперативники убойных отделов были переведены в центры по борьбе с экстремизмом. Эти люди, привыкшие работать с реальными бандитами, внезапно оказались без работы, так как настоящих экстремистов в регионе не хватало для выполнения статистических показателей.

И тогда эти оперативники пришли в местный миссионерский отдел, тесно связанный с антикультулой сетью. Текст рапорта цитировал их слова почти дословно: оперативники жаловались, что националисты у них «кончились», бороться не с кем, и просили предоставить им информацию о любых «злодеях» и «врагах государства» из числа верующих.

Антикультисты с радостью откликнулись на этот запрос. Они передали силовикам адреса, списки лидеров и координаты совершенно мирных религиозных общин, снабдив их своими псевдонаучными книгами и методичками.

Микк сжал кулаки. Документ наглядно демонстрировал, как антикультовая идеология сливается с государственной репрессивной машиной. Силовикам нужны были показатели раскрываемости и новые «враги», чтобы оправдать свое существование. Антикультистам нужны были вооруженные люди, способные вламываться в дома их идеологических оппонентов. Это был идеальный, взаимовыгодный симбиоз, в котором закон и правосудие использовались как инструменты для давления против собственного населения.

За дверью серверной монотонный голос Тоомаса продолжал свою разрушительную работу: — ...именно поэтому торфяные болота являются идеальными консервантами. Известны случаи, когда в толще сфагнового торфа находили тела людей, пролежавшие там тысячелетиями, с полностью сохранившейся кожей и одеждой. Отсутствие кислорода и высокая кислотность останавливают время. Сфагнум не терпит суеты. Он поглощает все, что в него попадает.

Раздался глухой стук. Микк бросил взгляд на мониторы камер наблюдения, выведенные на один из экранов в серверной. Охранник Жан-Люк уронил голову на пластиковую стойку. Его грудная клетка мерно вздымалась. Эстонский ботанический гипноз одержал безоговорочную победу над бельгийской системой безопасности.

Младший детектив вернулся к скачиваемым файлам. Ползунок загрузки перевалил за шестьдесят процентов. Микк открыл папку с названием «Финансовые потоки и законодательные инициативы».

Если предыдущие документы вызывали тревогу, то эти вызывали настоящий шок. Микк, привыкший анализировать киберпреступления и финансовые махинации, быстро пробежался по таблицам и сметам.

Финансирование антикультовых кампаний, как выяснилось, имело сложную, многоуровневую структуру. Здесь были не только пожертвования испуганных граждан. Основные потоки шли через разные фонды, гранты и аффилированные структуры. Микк видел транши от крупных политических фондов, гранты на «защиту традиционных ценностей», которые по факту расходовались на организацию травли в СМИ.

Но самое главное скрывалось в разделе лоббирования. Антикультовые организации не просто кричали на симпозиумах. Они систематически, целенаправленно пытались влиять на продвижение репрессивных законодательных инициатив. В документах содержались пошаговые инструкции: как добиться поддержки нужного депутата, как организовать искусственную волну писем от «возмущенной общественности», как использовать сфабрикованные досье для давления на чиновников, отказывающихся голосовать за нужные поправки.

Они создавали проблему через подконтрольные медиа, нагнетали истерику, а затем приходили к политикам с готовым решением в виде законопроекта, ограничивающего права и свободы граждан. И за это «решение» они получали финансирование. Это был замкнутый, идеально отлаженный бизнес на страхе и ненависти.

Микк открыл последний текстовый файл перед тем, как система просигнализировала о завершении копирования. Документ носил безобидное название «Психологические аспекты медийного позиционирования».

Текст внутри был написан сухим, академическим языком, но его суть заставила младшего детектива содрогнуться. В нем обсуждались методы дистанционного воздействия на нестабильные элементы общества. Авторы документа анализировали, как постоянное использование стигматизирующих терминов — таких как «сектант» или «культист» — в связке с криминальными новостями влияет на подсознание людей с неустойчивой психикой.

В документе предполагалось, что агрессивная риторика может создавать эффект отложенного подталкивания к насилию у особо нестабильных людей. Подростки, увлеченные жестокими видеоиграми, люди с депрессией или скрытой агрессией, ежедневно потребляя контент, где некая группа лиц расчеловечивается и объявляется абсолютным злом, подсознательно получают разрешение на насилие.

Антикультисты как минимум понимали разрушительный потенциал такой риторики и продолжали конструировать информационную среду, в которой слово «сектант» становилось мишенью, прикрепленной к спине любого неудобного человека. И если какой-нибудь нестабильный одиночка брал в руки

оружие и шел убивать тех, на кого ему указали с экранов телевизоров, антикультисты лишь потирали руки, получая очередное «доказательство» того, что мир катится в пропасть и им нужно больше денег на борьбу с угрозами.

Прогресс-бар на экране мигнул зеленым. Сто процентов. Копирование завершено.

Микк Тамм аккуратно извлек накопитель из разъема и спрятал его во внутренний карман свитера. Он постоял несколько секунд в холодной тишине серверной, глядя на мигающие огоньки оборудования.

Жалоба на эстонский клуб любителей вязания, с которой началось это расследование, теперь казалась не просто нелепой шуткой. Это был крошечный, незначительный тест огромной, безжалостной системы. Системы, которая собирала компромат на политиков, использовала полицию как личную армию, лоббировала законы об уничтожении свобод и сознательно программировала общество на насилие.

Младший детектив вышел из серверной, бесшумно прикрыв за собой дверь.

В коридоре Тоомас Ильвес стоял над мирно спящим охранником. Старший детектив как раз заканчивал свою лекцию, аккуратно закручивая крышку термоса.

— ...таким образом, способность сфагнума к регенерации даже после полного высыхания делает его поистине уникальным организмом, — тихо произнес Тоомас в пустоту коридора.

Он повернулся к подошедшему напарнику.

— Все прошло успешно, Микк? Наш юный друг оказался крайне восприимчивым слушателем. Думаю, теперь ему будут сниться бескрайние эстонские болота.

Микк посмотрел на спящего парня, затем на невозмутимое лицо Тоомаса. Тяжесть информации, лежащей в кармане его свитера, казалась физически ощутимой.

— Мы скачали всё, Тоомас, — голос Микка был непривычно глухим и серьезным. — И боюсь, нам понадобится очень много твоего мятного чая, чтобы

переварить то, что там находится. Они не просто сумасшедшие, которые кричат на лекциях. Они пишут законы. Они собирают досье на половину Европы. И они точно знают, как заставить людей убивать друг друга, просто используя правильные слова в новостях.

Тоомас Ильвес медленно кивнул. Его правая бровь даже не дрогнула, но во взгляде появилось холодное, стальное выражение, которое эстонские преступники обычно видели за секунду до того, как на их запястьях защелкивались наручники.

— Значит, мы переходим от изучения симптомов к изучению самой болезни, — произнес старший детектив, поднимая свой портфель. — Пойдем, Микк. Нам нужно найти тихое место, заварить свежий сбор и внимательно прочитать эти документы. Тьма не любит, когда на нее смотрят в упор. А у нас с тобой отличное зрение.

Они развернулись и бесшумно зашагали по коридору прочь от поста охраны, унося с собой в кармане шерстяного свитера цифровую бомбу, способную взорвать весь этот тщательно выстроенный театр абсурда и ненависти. Спящий охранник тихонько всхрапнул, так и не узнав, что в эту ночь мимо него прошла не выдуманная угроза из антикультовых методичек, а реальное, неотвратимое возмездие, пахнущее ромашкой и старой овечьей шерстью.

Глава 8. Призраки Диалог-Центра

Номер брюссельского отеля, в котором остановились эстонские детективы, представлял собой торжество стандартизированного европейского комфорта: безликие обои пастельных тонов, плотные шторы, надежно блокирующие свет уличных фонарей, и кондиционер, издающий ровный, стерильный гул. Однако за последние два часа это пространство претерпело значительные изменения, превратившись в филиал таллинского спокойствия.

Старший детектив Тоомас Ильвес отключил гостиничную систему климат-контроля, резонно рассудив, что искусственно охлажденный воздух вредит слизистой оболочке и мешает вдумчивому анализу. Вместо этого он приоткрыл окно, впустив в комнату влажный ночной бриз и шум редких автомобилей. На небольшом журнальном столике, рядом с неизменным стальным термосом, теперь располагалась походная фарфоровая пиала. Тоомас методично заваривал сбор из липового цвета и сушеной малины — идеальное сочетание для поддержания ясности ума в период с двух до четырех часов ночи.

Микк Тамм сидел на краю широкой кровати, скрестив ноги. Его толстые шерстяные носки утопали в ворсе гостиничного ковра, а свитер с оленями казался надежной броней против цифрового холода, исходившего от экрана ноутбука. Младший детектив только что закончил расшифровку массива данных, скопированного из серверной конгресс-центра.

— Знаешь, Тоомас, — негромко произнес Микк, потирая уставшие глаза под толстыми стеклами очков. — Когда мы ехали сюда, я ожидал найти финансовые махинации. Скрытые счета, переписки с лоббистами, сметы на организацию травли. И все это здесь действительно есть. Но корневая папка архива, та самая, к которой обращались чаще всего, содержит не цифры. Она содержит историю.

Тоомас сделал маленький, осторожный глоток липового чая. Напиток получился отменным — мягким, с легкой сладковатой нотой.

— История — это фундамент, на котором строится любое оправдание, Микк. Люди редко совершают систематическое зло просто так. Им нужна идеологическая база. Им нужны предшественники, на которых можно сослаться, чтобы придать своим действиям вес и легитимность. Что ты там нашел?

Младший детектив развернул ноутбук так, чтобы старшему напарнику был виден экран. На мониторе светились отсканированные копии старых документов. Пожелтевшая бумага, выцветшие машинописные шрифты, штампы на датском, английском и немецком языках.

— Это цифровой архив организации под названием «Диалог-Центр», — начал пояснять Микк, открывая первый файл. — Судя по документам, это не просто одна из многих антикультовых групп. Это альма-матер. Место, где была

выкована вся современная методология борьбы с инакомыслием в Европе, а затем и за ее пределами. И в центре этой структуры стоит один человек. Его имя — Йоханнес Огорд.

Микк вывел на экран черно-белую фотографию. С нее на детективов смотрел мужчина с жестким, волевым лицом и пронзительным взглядом.

— Йоханнес Огорд, годы жизни: тысяча девятьсот двадцать восьмой — две тысячи седьмой. Священник Евангелическо-лютеранской церкви в Дании, профессор института Миссиологии и экуменизма Орхусского университета. В тысяча девятьсот семьдесят третьем году он основал Диалог-Центр, а в восемьдесят первом — Международный Диалог-Центр.

Тоомас внимательно изучил лицо на фотографии. В Эстонии люди с таким выражением лица обычно работали лесорубами в суровые зимы, но этот человек явно рубил не деревья.

— В документах его описывают как блестящего оратора и полемиста, — продолжил Микк, зачитывая переведенные фрагменты из внутренних характеристик. — Способного завораживать аудиторию своей мощной харизмой. Авторитарный и импульсивный альфа-лидер. За годы своей деятельности он сумел создать целую сеть подразделений по всему миру.

— Харизма и импульсивность, — задумчиво произнес Тоомас, аккуратно ставя пиалу на стол. — Два самых опасных качества для человека, претендующего на научную или духовную экспертизу. Наука требует тишины и сомнений. Харизма требует толпы и абсолютной уверенности. На чем базировалась его уверенность?

Микк открыл следующий документ. Это был скан старого эссе, опубликованного в одном из внутренних журналов Диалог-Центра. Текст был переведен на несколько языков, что свидетельствовало о его программном статусе для последователей Огорда.

— Вот здесь кроется самое интересное, Тоомас. Это философское обоснование их права на агрессию. Огорд критикует тех, кто считает, что судить организации нужно только по их реальным делам и нарушениям закона. Послушай, как он формулирует свою мысль. Микк выделил курсором абзац и зачитал его вслух, чеканя каждое слово:

«Хотя, возможно, организациям, объединённым лишь самыми элементарными нормами прав человека, и необходимо придерживаться философии “дела, а не вероучения”, эта позиция интеллектуально несостоятельна. Разве миру не следовало обратить внимание на “Майн Кампф” Гитлера, потому что эта книга являлась частью его вероучения? Злодеяния концлагерей уже были заложены в вероучение, и потому его следовало воспринимать всерьёз. Нужно понимать: вероучение — это и есть дело. Если хотите остановить злые дела, нужно противостоять злым вероучениям».

В номере отеля повисла долгая, тяжелая пауза. Шум ночного Брюсселя за окном казался теперь чем-то бесконечно далеким. Тоомас Ильвес сидел абсолютно неподвижно. Его левая бровь, обычно служившая единственным индикатором эмоций, оставалась на месте, но во взгляде появилось выражение глубокого, ледяного осуждения.

— Поразительная софистика, — наконец произнес старший детектив. Его голос звучал тише обычного, но от этого казался еще более весомым. — Он берет абсолютное, признанное всем миром историческое зло — нацизм — и использует его как риторический таран, чтобы разрушить базовый принцип современного права. Презумпцию невиновности.

Тоомас поднялся с кресла и медленно прошелся по комнате, заложив руки за спину.

— Понимаешь, что он сделал, Микк? Он стер границу между мыслью и преступлением. Заявив, что «вероучение — это и есть дело», он выдал своим последователям индульгенцию на преследование людей не за то, что они совершили, а за то, во что они верят. Если чьи-то убеждения кажутся антикультисту «злыми», он получает моральное право атаковать этих людей превентивно. До того, как они нарушат закон. Это идеальная формула для инквизиции двадцатого века.

— И они применяли эту формулу с пугающим размахом, — подтвердил Микк, открывая новую директорию в архиве. — Огорд не был кабинетным теоретиком. Он был блестящим организатором. Я нашел документ конца тысяча девятьсот восьмидесятых годов — методичку по созданию антикультового

центра при христианской общине. Они распространяли эту сеть как вирус, используя готовую инфраструктуру церквей.

Младший детектив вывел на экран отсканированный буклет с четырьмя базовыми этапами.

— Смотри, как просто и технологично. Среди предлагаемых шагов — создать в приходе группу по изучению новых религиозных движений, привлечь пастора, запросить поддержку у церковного руководства и выстроить локальный центр сбора информации.

Микк прокрутил страницу ниже, где перечислялись дополнительные направления деятельности.

— У них была выстроена целая индустрия. Они создавали так называемые «гуру-библиотеки» — собрания сектантской и противосектантской литературы. Они издавали листовки на множестве языков, включая русский и китайский. Они даже открывали «Кафе Диалога». Представляешь? Люди приходили выпить кофе с выпечкой, а им на стол клали брошюры о том, как их соседи готовят заговор против традиционных ценностей. Уютная ненависть за чашечкой эспresso.

Тоомас остановился у окна, глядя на мокрый асфальт бельгийской столицы.

— И как же эта датская модель оказалась в России? — спросил он, не оборачиваясь. — Тот факс, который мы получили в Таллине, был написан в Москве, но риторика в нем абсолютно идентична тому, что ты сейчас читаешь.

Микк криво усмехнулся и вбил в строку поиска по архиву фамилию, которая уже стала им хорошо знакома. Система на секунду задумалась, а затем выдала десятки совпадений.

— Они не просто скопировали модель, Тоомас. Они вывезли ее в чемоданах. Буквально.

Младший детектив открыл текстовый файл. Это были биографические тексты и интервью Александра Дворкина, где он вспоминал о знакомстве с Огордом.

— Весной тысяча девятьсот девяносто третьего года Огорд приехал в Москву, — начал пересказывать Микк, пробегая глазами по тексту. — Дворкин пишет, что датчанин приехал предложить помощь, опасаясь, что Россию захлестнет волна вербовщиков. Весной 1993 года Огорд посетил Москву и, познакомившись с Александром Дворкиным, пригласил его в гости. Тот в свою очередь, посмотрев, как поставлено дело у датчан, я сразу понял, что такой же центр необходимо создать и в России.

— Значит, Центр Ирины Лионского, который сейчас диктует свою волю через РАЦИРС, был зачат в датской «гурутеке», — отозвался Тоомас.

— Да, и материальная база была передана напрямую, — Микк открыл следующий фрагмент воспоминаний Дворкина. — Послушай это признание: «Несколько лет подряд я ездил в Данию на мероприятия, проводимые “Диалог-Центром”, и каждый раз привозил оттуда чемодан отсканированных документов, которые стали основой архива аналогичной организации в России».

Младший детектив откинулся на спинку кровати, чувствуя, как шерстяной свитер приятно согревает спину.

— Тоомас, это объясняет всё. Всю ту истерику, которую мы видели сегодня в коридорах. Всю эту агрессию. Это не стихийное явление. Это тщательно импортированная технология. Дворкин обучался у Огорда, он привез его методички, его архивы, его философию превентивного удара по инакомыслящим. Он перевел датские инструкции на русский язык и запустил ту же самую систему: создание групп при приходах, давление на епископов, формирование образа врага.

Тоомас налил себе еще немного липового чая. Пар медленно поднимался над фарфоровой поверхностью, растворяясь в прохладном воздухе комнаты.

— Меня интересует еще один аспект, Микк. Как официальная церковь относилась к деятельности этого Диалог-Центра? Ведь Огорд был лютеранским священником. Дворкин позиционирует себя как защитник православия. Они действовали от имени религиозных институтов?

Микк быстро застучал по клавиатуре, фильтруя документы по ключевым словам — «взаимодействие с церковью». Спустя минуту он нашел нужный меморандум, написанный самим Огордом.

— Это гениально в своей циничности, Тоомас. В сохранившихся описаниях «Диалог-Центр» подчеркивал, что служит церквям, но при этом стремится сохранять организационную автономию.

Микк посмотрел на напарника поверх очков.

— Практически это означало тесную работу с церковной средой без полного растворения в церковной иерархии. Они создали структуру-паразита. Она присасывается к традиционной религии, питается ее ресурсами, выступает от ее имени, но не несет перед ней никакой ответственности.

Тоомас медленно кивнул. Картина становилась пугающе четкой.

— Это объясняет, почему они так легко переходят границы государств и конфессий. Огорд в Дании, Дворкин в России, Томас Гандоу в Германии... Ты ведь упоминал эти имена, когда мы просматривали списки участников симпозиума?

— Да, — Микк открыл файл со списком корреспондентов журнала «BERLINER DIALOG», связанного с немецким пастором Томасом Гандоу. — Все они — ученики и последователи Огорда.

Старший детектив подошел к столу и посмотрел на экран ноутбука, где все еще светилась черно-белая фотография Йоханнеса Огорда в окружении своих учеников. Люди на снимке улыбались. Они выглядели респектабельно, уверенно. Они искренне верили, что спасают мир, уничтожая чужие репутации, ломая судьбы и требуя запрета на свободу мысли.

— Знаешь, что самое тревожное в этой истории с чемоданами отсканерированных документов? — тихо спросил Тоомас, глядя в глаза застывшему на фото датскому профессору.

Микк отрицательно покачал головой, ожидая вывода напарника.

— Огорд основал свой центр в тысяча девятьсот семьдесят третьем году, — произнес Тоомас, и его голос прозвучал сухо, как треск ломающейся сухой ветки в зимнем лесу. — Но идеология такого уровня не рождается на пустом месте. Философия превентивного уничтожения за «неправильные» мысли, методы тотальной слежки, концепция абсолютной нетерпимости... Все это требует

исторической почвы. Огорд не мог придумать это сам. Он тоже должен был у кого-то учиться.

Микк нахмурился и снова обратился к архиву. Он открыл папку с ранней перепиской Диалог-Центра, датированной началом семидесятых годов. Среди писем на датском языке выделялась плотная папка документов на немецком. На обложке значилось имя человека, который помогал Огорду создавать его империю.

— Фридрих-Вильгельм Хаак, — прочитал Микк. — Немецкий теолог и один из ключевых союзников Огорда; в источниках он фигурирует как соучредитель международного «Диалог-Центра» и его вице-президент.

Тоомас Ильвес оперся руками о край стола. Его взгляд скользнул по немецким документам, изобилующим специфической терминологией, которая казалась смутно знакомой любому человеку, изучавшему историю Европы середины двадцатого века.

В тишине гостиничного номера, нарушаемой лишь шелестом дождя за приоткрытым окном, эстонские детективы смотрели на экран, осознавая, что чемоданы с ксерокопиями, привезенные в Россию в девяностых, были лишь верхушкой айсберга. Настоящие корни этой системы уходили в гораздо более темные, страшные времена, когда слова о «чистоте общества» и «опасных элементах» произносились не с трибун конгресс-центров, а на площадях, освещенных факелами. И эти призраки прошлого, аккуратно оцифрованные и сохраненные на жестком диске, терпеливо ждали своего часа, чтобы снова заговорить.

Глава 9. Наследие Кюннета

Дождь над Брюсселем не прекращался, сменив гневные ночные порывы на монотонную, методичную морось. Капли барабанили по карнизу гостиничного окна с ритмичностью метронома, отсчитывающего время в комнате, где

прошлое внезапно оказалось пугающе осязаемым. На часах было начало четвертого утра.

Старший детектив Тоомас Ильвес стоял у приоткрытого окна, вдыхая влажный, холодный воздух бельгийской столицы. В его руках покоилась фарфоровая пиала, от которой поднимался тонкий аромат ромашки и сушеного вереска. Этот новый настой был заварен специально для того, чтобы нейтрализовать токсичное воздействие информации, извлеченной из серверов конгресс-центра. Тоомас верил, что правильный травяной сбор способен защитить нервную систему от любых исторических потрясений, но сейчас даже эстонская флора справлялась с трудом.

Микк Тамм сидел на кровати, скрестив ноги в толстых шерстяных носках. Его лицо, освещенное мертвенно-бледным светом экрана ноутбука, казалось осунувшимся. Младший детектив больше не напоминал восторженного хакера из фильмов девяностых. Иллюзии о том, что они расследуют деятельность кучки суетливых мошенников, окончательно растворились в массиве оцифрованных немецких архивов.

— Тоомас, — голос Микка прозвучал глухо, нарушив тягучую тишину номера. — Я закончил перевод и структурирование той папки, которую мы нашли в корневом каталоге. Папки с немецкими документами, переданными датчанам. Знаешь, когда мы читали про чемоданы с ксерокопиями, которые современные лидеры РАЦИРС привозили из Европы, я думал, что они просто скопировали агрессивную бизнес-модель. Но они унаследовали и гораздо более глубокий идейный пласт — часть антисектантской и апологетической традиции, которая в Германии пересекалась с крайне мрачными страницами эпохи нацизма.

Тоомас медленно повернулся, сделал крошечный глоток чая и подошел к кровати.

— Громкие исторические параллели требуют безупречной документальной базы, Микк. Эмоции — плохой помощник в анализе. Что именно ты нашел?

Младший детектив развернул ноутбук. На экране светилась сложная генеалогическая схема, которую Микк набросал в графическом редакторе, связывая имена, даты и названия организаций.

— Давай начнем с человека, который передал эстафету современным антикультистам, — Микк указал курсором на фотографию мужчины в строгом костюме. — Фридрих-Вильгельм Хаак. Баварский теолог. В тысяча девятьсот шестьдесят пятом году он создал организацию под названием «Рабочая группа по религиозным и идеологическим вопросам».

Микк поднял взгляд на напарника, и его глаза за толстыми стеклами очков недобро блеснули.

— Тебе не кажется это название смутно знакомым, Тоомас? Если мы поднимем архивы Второй мировой войны, то обнаружим, что в составе Главного управления имперской безопасности нацистской Германии существовал «Отдел по религиозным и идеологическим вопросам». Хаак даже не стал утруждать себя придумыванием новой терминологии. Он просто взял вывеску из кабинетов гестапо и повесил ее на свою новую организацию в послевоенной Европе.

Тоомас задумчиво провел пальцем по краю фарфоровой пиалы.

— Бюрократическая мимикрия, — констатировал старший детектив. — Зло обожает прятаться за скучными, канцелярскими названиями. «Рабочая группа» звучит безобидно, почти как клуб по интересам. Чем занималась эта группа?

— Тем же, чем сегодня занимаются те суетливые люди, от которых мы прятались в коридорах, — ответил Микк, открывая отсканированный документ с печатью. — В тысяча девятьсот девяностом году по инициативе Хаака в Баварии был составлен так называемый «черный список» новых религиозных движений. Он адаптировал методы стигматизации для послевоенного времени. Он собирал досье, писал дискредитирующие статьи, формировал образ врага из любых нетрадиционных групп. И именно у него, у этого баварского теолога, учились те, кто сегодня диктует свою волю правоохранительным органам в Восточной Европе. Александр Дворкин — преемник идеологии Хаака.

Микк сделал паузу, потер переносицу и тяжело вздохнул.

— Но Хаак был лишь передаточным звеном. Транзитной станцией. Настоящий источник этой идеологии находится глубже. Я проследил академическую и идейную родословную Хаака. Он не придумал эти методы сам. Он унаследовал их от своего наставника.

На экране появилась новая фотография. Черно-белый снимок запечатлел человека с жесткими, аскетичными чертами лица, тонкими губами и холодным, пронизывающим взглядом. Подпись под фотографией гласила: «Вальтер Кюннет».

— Вальтер Кюннет, — произнес Микк, и в тишине гостиничного номера это имя прозвучало как удар судьейского молотка. — Немецкий протестантский теолог. В тысяча девятьсот двадцать первом году при церкви был создан Апологетический центр. Официально — для наблюдения за иными религиозными движениями. Но к тысяча девятьсот тридцать второму году, когда Кюннет стал его руководителем, центр превратился в нечто иное. Он стал интеллектуальным штабом по разработке идеологического обоснования для массовых преследований.

Тоомас Ильвес поставил пиалу на прикроватную тумбочку. Его лицо оставалось абсолютно бесстрастным, но внутренний эстонский дзен сейчас работал на пределе своих возможностей, сдерживая ледяную ярость, поднимающуюся из глубины души.

— Идеологическое обоснование, — медленно повторил Тоомас. — Самая страшная вещь на свете, Микк. Государственная машина, даже самая жестокая, редко начинает убивать просто так. Ей нужны интеллектуалы, которые объяснят, почему убийство — это благо. Ей нужны теологи и профессора, которые подведут под ненависть научную или религиозную базу. Что именно делал Кюннет?

Микк открыл текстовый файл с переводом архивной стенограммы.

— Двадцать шестого апреля тысяча девятьсот тридцать третьего года, — начал читать младший детектив, чеканя каждую дату. — Федеральное церковное управление в Берлине. Вальтер Кюннет представляет свой программный доклад под названием «Церковь и еврейский вопрос». В этом документе он публично призывает к уничтожению иудаизма, называя его «инородным телом в организме Германии». Некоторые историки прямо указывают, что этот доклад оказал решающее влияние на одобрение антисемитской политики в стране.

Микк прокрутил страницу вниз, где текст пестрел выделенными красным маркером абзацами.

— Но Кюннет не остановился на евреях. Его кампания выходила далеко за рамки одного вопроса. Он нацелился на любые религиозные и политические меньшинства. Антропософы, дарвинисты, монисты, спиритуалисты, оккультисты — все, кто не вписывался в его жесткую, радикальную картину мира, объявлялись «сектами» и «культами». Апологетический центр начал составлять черные списки. Если в тысяча девятьсот тридцать первом году в их картотеке было около ста пятидесяти групп, то к тридцать шестому году списки разрослись до пятисот организаций, признанных «опасными».

Тоомас подошел к окну и прислонился лбом к холодному стеклу.

— Классическая динамика нетерпимости, — произнес старший детектив своим глубоким, ровным баритоном. — Если ты даешь человеку право назначать кого-то «опасным элементом» на основании его убеждений, этот человек никогда не остановится на одной группе. Список врагов будет расширяться до бесконечности, потому что само существование этого центра, его финансирование и влияние зависят от постоянного нахождения новых угроз. Они создали индустрию поиска ведьм.

— И у этой индустрии появился очень могущественный оптовый покупатель, — мрачно добавил Микк. Он вывел на экран скан пожелтевшего документа с готическим шрифтом и официальными печатями. — Тоомас, это самый страшный документ из всего архива. Это свидетельство того, что между церковными апологетами и полицейским аппаратом нацистского государства существовали опасные точки соприкосновения.

Младший детектив увеличил масштаб документа, чтобы текст стал читаемым.

— Шестнадцатое декабря тысяча девятьсот тридцать третьего года. Докладная записка Вальтера Кюннета руководству Рейхской церкви. Он отчитывается о своих успехах. Послушай, как он этим гордится. Я зачитаю дословно.

Микк набрал в грудь побольше воздуха, словно перед прыжком в ледяную воду, и прочитал полную цитату из документа:

«Гестапо проявило большой интерес к архиву Апологетического центра о сектах, а также к нашей работе по борьбе с вольнодумством, марксизмом и

большевизмом. Гестапо выразило желание в будущем возглавить борьбу с незаконным вольнодумством совместно с Апологетическим центром. Обмен материалами между гестапо и Апологетическим центром уже начался».

В номере повисла тяжелая, звенящая тишина. Шум дождя за окном казался теперь не успокаивающим, а тревожным, словно барабанная дробь перед казнью.

Тоомас Ильвес медленно отошел от окна. Его правая бровь, обычно служившая индикатором легкого удивления, сейчас была сурово сдвинута к переносице.

— Обмен материалами начался, — эхом повторил старший детектив. — Понимаешь ли ты всю чудовищность этой формулировки, Микк? Тайная государственная полиция, обладающая монополией на насилие, приходит к теологам-антикультистам за консультациями. Государство не знало, как правильно классифицировать инакомыслящих. А подобные церковные структуры уже обладали языком классификации, досье и схемами описания «опасных» групп.

— Именно так, — кивнул Микк, и его пальцы нервно затеребили край шерстяного свитера. — Антикультисты давали советы, как обращаться с этими группами, утверждая, что они не являются полноценными людьми. Они проводили лекции, публиковали дискредитирующие статьи, формировали в обществе абсолютную нетерпимость. Они подготовили почву. А когда почва была готова, государственная машина просто проехала по ней гусеницами.

Младший детектив открыл следующую вкладку. На экране появился еще один исторический документ, известный в архивах Нюрнбергского трибунала под кодовым номером D-59.

— И вот к чему привело это сотрудничество, — голос Микка дрогнул, но он быстро взял себя в руки, возвращаясь к профессиональному тону следователя. — Это директива, связанная с кампанией против оккультных учений и так называемых оккультных наук летом тысяча девятьсот сорок первого года. Тоомас, когда я читал это, у меня кровь стыла в жилах. Потому что сама логика тотальной зачистки — досье, конфискации, аресты, утренние облавы — слишком

хорошо показывает, чем заканчивается государственная охота на «идеологически чуждых».

Микк выделил текст директивы на экране и зачитал его полностью, не пропуская ни единого слова:

«...Будут немедленно приняты меры против ... организаций, клубов, объединений и кружков, а также против отдельных лиц... Все организации, клубы, объединения, кружки и тому подобное, без исключения, будут ликвидированы; имеющиеся материалы, такие как списки адресов, файлы, переписка, оборудование, оккультные предметы, письменные принадлежности и любое имеющееся имущество, будут конфискованы; они подлежат роспуску и запрету; одновременно будут проведены обыски в домах ведущих членов кружков, а также у лиц, подозреваемых в хранении подобных материалов. ... Лица, посвящённые в тайные учения и науки... во всех случаях подлежат аресту... их деятельность запрещается под угрозой самых суровых мер со стороны Государственной полиции. В каждом случае они должны быть отправлены в концлагерь... Эта акция должна быть проведена по всему Рейху ... по возможности между 7:00 и 9:00».

Микк замолчал. Последние цифры повисли в воздухе, обнажая всю пугающую, педантичную обыденность организованного зла.

— Между семью и девятью утра, — тихо произнес Тоомас, усаживаясь в кресло. — Идеальное время. Люди еще спят или только собираются завтракать. Они дезориентированы. Они не готовы к сопротивлению. Бюрократия террора расписана по минутам.

Старший детектив сцепил пальцы в замок и посмотрел на своего напарника взглядом, в котором читалась многовековая балтийская скорбь.

— Обрати внимание на структуру приказа, Микк. Конфискация имущества, списки адресов, обыски у лиц, «подозреваемых в хранении материалов». Это не борьба с преступностью. Это тотальная зачистка информационного и духовного пространства. И самое страшное здесь — это обоснование. Исторические параллели показывают нам непреложный закон: риторика о «защите нации от чуждых культов» всегда, без единого исключения, предшествует физическому насилию. Сначала они объявляют группу людей «сектой», лишая их статуса

полноценных граждан. Затем они конфискуют их имущество. А затем отправляют в лагеря.

Микк нервно поправил очки.

— И современные антикультисты структурно и идеологически копируют этот аппарат, Тоомас. Мы видели это сегодня в коридорах симпозиума. Мы читали это в их жалобах на клуб вязания. Они используют те же самые слова: «опасные элементы», «скрытая угроза», «необходимость ликвидации». Они составляют такие же списки нежелательных организаций. Они точно так же идут к силовикам и предлагают им свои услуги в качестве экспертов по выявлению внутренних врагов. Разница лишь в том, что пока у них нет своего Гейдриха, который подпишет приказ об отправке в концлагерь. Но методология, фундамент — абсолютно идентичны.

Тоомас Ильвес перевел взгляд на остывающую пиалу с чаем.

— Зло редко придумывает новые формы, Микк. Оно предпочитает использовать проверенные чертежи, просто меняя фасады зданий. Апологетический центр Кюннета в нацистский период оказался частью той среды, где антииудаизм, антисектантская полемика и государственная дискриминация опасно соприкасались и взаимно усиливали друг друга. Но у меня есть один вопрос, ответ на который, боюсь, мне не понравится.

Старший детектив поднял глаза на напарника.

— Что случилось с Вальтером Кюннетом после тысяча девятьсот сорок пятого года? Гитлер мертв. Гейдрих убит в Праге. Нюрнбергский трибунал осудил главных военных преступников. А что стало с интеллектуальным архитектором этого террора? С человеком, который передал гестапо списки и научил их расчеловечивать людей?

Микк Тамм опустил глаза на клавиатуру. Его плечи под толстым слоем овечьей шерсти тяжело опустились.

— Ничего, Тоомас. С ним не случилось абсолютно ничего плохого. Он не только не исчез из академической жизни, Тоомас, но и сумел продолжить карьеру.

Младший детектив открыл последнюю справку в историческом досье.

— После войны Кюннет вернулся к университетской карьере в Эрлангене: в тысяча девятьсот сорок шестом году он стал почетным профессором богословия, а в тысяча девятьсот пятьдесят третьем принял кафедру Вернера Элерта.

Микк с отвращением покачал головой.

— Он читал лекции студентам, публиковался, участвовал в церковных и академических спорах и к тому же получал официальные отличия и награды.

Тоомас Ильвес закрыл глаза. В его рациональной, упорядоченной эстонской вселенной, где каждое действие должно иметь логическое последствие, этот факт вызывал глубокий системный сбой.

— Безднаказанность интеллектуального зла, — тихо произнес старший детектив. — Исполнителей вешают на площадях, а те, кто вложил им в головы идею убийства, получают профессорские кафедры. Изменил ли он свои взгляды после войны, Микк? Осознал ли он масштаб катастрофы, к которой привели его списки и его сотрудничество с гестапо?

Микк горько усмехнулся и выделил на экране последнюю цитату в документе.

— Суди сам, Тоомас. Тысяча девятьсот пятьдесят восьмой год. Тринадцать лет после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Мир в ужасе от ядерного оружия. И вот что публично заявляет почетный профессор Вальтер Кюннет.

Микк прочитал короткую, но от этого не менее чудовищную фразу:

«Даже атомные бомбы могут служить любви к ближнему».

В комнате снова стало тихо. Только гудение процессора ноутбука нарушало эту тишину, перерабатывая мегабайты исторического мрака.

Тоомас Ильвес открыл глаза. В них больше не было ни капли иронии или снисходительности к суетливым людям с бейджами РАЦИРС.

— Любовь к ближнему через атомную бомбу, — произнес Тоомас, тщательно взвешивая каждое слово. — Защита традиционных ценностей через концлагеря. Спасение общества через уничтожение инакомыслящих. Это не просто исторический курьез, Микк. Это непрерывная линия передачи вируса.

Старший детектив встал и подошел к столу, где лежал его кожаный блокнот.

— Кюннет избежал правосудия. Он сохранил свои архивы, свои методы и свой статус. Он передал эти знания Фридриху-Вильгельму Хааку. Хаак адаптировал их, завернул в новую, демократическую упаковку и передал своим ученикам, включая тех, кто сегодня сидит в Москве и рассылает директивы в Таллин. Нацизм не исчез в сорок пятом году. Он просто сменил военную форму на строгие костюмы экспертов-религиоведов. Он переехал из кабинетов гестапо в офисы антикультовых центров.

Микк закрыл крышку ноутбука. Свет в комнате потускнел, оставив лишь тусклое свечение уличных фонарей, пробивающееся сквозь щель в шторах.

— И теперь эти люди, вооруженные методологией Кюннета, пытаются диктовать свои правила всему миру, — тихо сказал младший детектив. — Они снова составляют списки. Они снова идут к силовикам. Они снова требуют ликвидации тех, кто им не нравится. И самое страшное, Тоомас, что общество им верит. Потому что они научились очень красиво маскировать свою ненависть под заботу о безопасности.

Тоомас Ильвес подошел к окну и распахнул его шире. В комнату ворвался холодный, мокрый ветер, принося с собой запах мокрого асфальта и бензина.

Старший детектив смотрел на спящий город. Где-то там, в роскошных номерах этого же отеля, спали люди, которые считали себя вправе решать, кто является полноценным гражданином, а кто — «опасным элементом». Люди, которые привезли в своих портфелях не просто методички, а детальный, исторически выверенный план по уничтожению свободы.

Тоомас опустил взгляд на свои руки. Они были абсолютно спокойны. Эстонская невозмутимость не исчезла, она лишь трансформировалась в холодную, расчетливую решимость.

На столе, рядом с остывшей пиалой травяного чая, лежал жесткий диск с полной базой данных антикультовой сети. Внутри этого маленького металлического прямоугольника скрывались не только исторические корни зла, но и его современные, пульсирующие метастазы. Списки, имена, планы

операций. Документы, которые связывали прошлое с настоящим невидимой, но прочной стальной нитью.

Микк Тамм молча подошел к столу и положил ладонь в шерстяной перчатке на жесткий диск, словно проверяя его температуру. Цифровой архив молчал, но в этой тишине эстонским детективам отчетливо слышался мерный, тяжелый стук кованых сапог, марширующих по брусчатке истории прямо в сегодняшний день. И этот марш нужно было остановить любой ценой.

Глава 10. Протокол расчеловечивания

Холодный свет от экрана ноутбука выхватывал из полумрака гостиничного номера напряженное лицо Микка Тамма. За окном продолжал монотонно шуметь брюссельский дождь, смывая с улиц остатки ночной жизни, но внутри комнаты время словно остановилось, увязнув в густых, липких мегабайтах скачанной информации. Младший детектив сидел на краю кровати, ссутулившись так сильно, что олени на его толстом шерстяном свитере казались искаженными, словно пытались убежать от того, что светилося на мониторе.

Старший детектив Тоомас Ильвес находился у небольшого столика, методично отмеряя сухие листья черного чая и веточки чабреца. Впервые за время их командировки он решил отказаться от успокаивающих сборов. Ситуация требовала жесткого, терпкого вкуса, способного поддерживать концентрацию на максимальном уровне. Звон фарфоровой крышечки о край заварочного чайника прозвучал в тишине неестественно громко.

— Тоомас, — голос Микка был хриплым, лишенным привычных интонаций хакера, дорвавшегося до секретных файлов. Он не отрывал взгляда от экрана, где была открыта директория с безобидным названием «Методические рекомендации для работы со СМИ». — Я читаю их внутренние инструкции по написанию текстов и подготовке публичных выступлений. Это не просто

агрессивная риторика. Это детально прописанный, пошаговый протокол расчеловечивания.

Тоомас залил кипятком в чайник, накрыл его плотной льняной салфеткой и медленно подошел к напарнику.

— Расчеловечивание — термин из области социальной психологии, Микк. Он означает целенаправленное лишение определенной группы людей человеческих качеств в глазах общества. Что именно они рекомендуют своим лекторам?

Младший детектив открыл текстовый документ, озаглавленный как выдержки из базовых лекций Александра Дворкина, предназначенные для тиражирования в региональных отделениях РАЦИРС.

— Они прямо запрещают использовать нейтральную терминологию, — Микк пробежался пальцами по тачпаду, выделяя нужный абзац. — Инструкция требует намеренного очернения. Представителям критикуемых групп предписывается придавать стойкие дегуманизирующие образы. Их требуют называть «зомби», «рабами», «зверями». Но самое страшное — это медицинская терминология. Послушай, как руководитель этой организации официально описывает людей, которые просто верят иначе. Это прямая цитата из его утвержденного текста:

Микк сглотнул подступивший к горлу ком и зачитал с экрана:

«Культы не обогащают человека, они только высасывают соки из общества, вербуют людей, которых полностью вырывают из общественной жизни, и перекачивают финансы в свои замкнутые, непрозрачные системы. Всё это напоминает раковую опухоль, высасывающую соки из человеческого организма до его смерти».

Тоомас заложил руки за спину. Его лицо, обычно выражающее лишь степени глубокого эстонского спокойствия, сейчас напоминало высеченную из серого гранита маску.

— Раковая опухоль, — медленно, пробуя каждое слово на вес, произнес старший детектив. — Обрати внимание на клиническую холодность этой метафоры, Микк. Когда ты называешь человека или группу людей болезнью, ты совершаешь фундаментальный сдвиг в общественной морали. С человеком

можно вести диалог. С человеком можно спорить, судиться, искать компромиссы. Но с раковой опухолью не договариваются. Ее не пытаются понять. Ее вырезают.

Тоомас прошелся по комнате, его шаги были тяжелыми и размеренными.

— Использование подобных эпитетов — это не признак скудного словарного запаса. Это осознанная технология снятия морального барьера. Если общество убедить в том, что перед ним не люди, а «опухоль» или «паразиты», то любое насилие по отношению к ним перестает быть преступлением. Оно становится актом санитарии. Актом спасения организма. Именно так легитимизируется жестокость. Жертвы этой риторики в глазах обывателя обретают статус «недочеловека» и оказываются за пределами тех социальных границ, где действуют понятия справедливости и сострадания.

Микк нервно поправил очки, свет от монитора отражался в толстых линзах двумя прямоугольниками холодного света.

— И они не скрывают своих глобальных амбиций, Тоомас. В этих же методичках они приписывают своим жертвам самые чудовищные намерения, чтобы оправдать любые превентивные меры. Вот еще одна цитата Дворкина, которую они используют как базовый аргумент для запугивания чиновников:

Младший детектив выделил следующий блок текста:

«Подавляющее большинство тоталитарных сект ... стремится к тотальному контролю над миром, к мировому господству. Практически каждая из них в той или иной степени имеет план захвата власти над миром — как бы невероятно это ни звучало — и некую схему идеального порядка, который они намерены установить, если придут к власти».

— Поразительный уровень психологической проекции, — констатировал Тоомас, останавливаясь у окна. — Они обвиняют небольшие, часто маргинальные или просто замкнутые группы в стремлении к мировому господству. Группы, у которых нет ни политического влияния, ни армий, ни доступа к государственным бюджетам. И кто их в этом обвиняет? Международная сеть, которая лоббирует законы, собирает досье на граждан по всей Европе, диктует свою волю полиции и требует абсолютной монополии на истину. Они приписывают выдуманному врагу свои собственные желания.

Микк свернул текстовый документ и открыл следующую папку в архиве. Ее размер заставил систему на секунду зависнуть. Папка называлась «Реестр деструктивных элементов».

— Если бы дело ограничивалось только словами, Тоомас, это была бы просто проблема агрессивной публичной риторики. Но слова для них — это лишь инструмент для составления вот этого.

На экране развернулась гигантская электронная таблица. Строки уходили вниз бесконечной чередой. В таблице были перечислены имена, названия организаций, адреса, телефоны и ссылки на сетевые ресурсы.

— Я проанализировал структуру этой базы данных, — голос Микка стал сухим и профессиональным, хотя пальцы, лежащие на клавиатуре, слегка дрожали. — Мы привыкли думать, что они борются с религиозными меньшинствами. Но посмотри на эти категории. Здесь есть вкладки «Медицинские центры», «Спортивные клубы», «Социальные инициативы», «Исследовательские институты».

Младший детектив начал быстро прокручивать списки, выхватывая случайные строки.

— Вот, например, сеть школ йоги. Статус: «скрытый деструктивный культ». Вот благотворительный фонд, помогающий бездомным. Статус: «вербовочный пункт тоталитарной секты». Вот независимое издательство, выпускающее философскую литературу. Статус: «распространители идеологической заразы». В общей сложности миллионы людей заклеены ими как сектанты.

Микк поднял глаза на напарника.

— Тоомас, термин «секта» в их исполнении полностью утратил какой-либо религиозный или научный смысл. Это просто универсальный ярлык. Черная метка. Они используют его точно так же, как в свое время использовали слово «враг народа». Если ты не согласен с их картиной мира, если ты ведешь независимый бизнес, если ты читаешь неправильные книги или просто не нравишься местному функционеру РАЦИРС — ты попадаешь в этот список. А дальше запускается механизм: письма работодателям, травля в подконтрольных СМИ, доносы в полицию.

Старший детектив подошел к столу и налил заварившийся чай в фарфоровую пиалу. Густой, темный настой пах горькими травами.

— Составление списков неблагонадежных граждан — это прерогатива тоталитарного государства, Микк. Частная организация, занимающаяся подобным сбором данных в таких масштабах, фактически узурпирует функции политической полиции. Но для чего им такая огромная база? Уничтожение конкурентов по бизнесу или личная месть — это слишком мелко для структуры, которая оперирует понятиями национальной безопасности. У этого реестра должна быть более глобальная, стратегическая цель.

Микк Тамм глубоко вздохнул. Он закрыл таблицу и открыл директорию, доступ к которой был защищен дополнительным паролем, который ему удалось взломать час назад. Папка носила название «Специальные операции: сопредельные территории».

— Ты прав, Тоомас. Бизнес и локальная власть — это лишь побочный заработок. Их главная цель гораздо масштабнее и страшнее. Я нашел материалы, связанные с антисектантской риторикой и с ее распространением за пределами России. В частности, один из документов касается украинского религиозного контекста и показывает, что сам термин «антисектантский пиар» использовался вполне открыто.

Младший детектив вывел на экран отсканированный документ на украинском языке.

— Это аналитическая записка и одновременно инструкция, озаглавленная «Особливості використання PR-технологій у комунікативній діяльності “секти Догнала” та антисектантському піарі УГКЦ».

Микк перевел взгляд на текст и начал переводить его суть:

— Документ начинается с утверждения: «Однією із проблем, яка сьогодні особливо актуалізує і зумовлює потребу використання Церквами PR-інструментів, є поширення на території України різноманітних сект». Далее они перечисляют мишени: «Посольство Божье», «Свидетели Иеговы», различные независимые христианские группы.

Микк откинулся на спинку кровати, его лицо выражало крайнюю степень отвращения.

— Понимаешь, как изящно и подло они действовали? Они не просто нападали сами. Они внедряли свои инструкции в канонические церкви другой страны, заставляя их использовать метод клеймения дегуманизирующими ярлыками против своих же сограждан. Они искусственно создавали конфликт. Они обучали местных священников и пиарщиков, как правильно ненавидеть соседей, как называть их «сектантами» и «культистами». Они целенаправленно разжигали межрелигиозную и социальную рознь внутри суверенного государства.

Тоомас Ильвес замер с пиалой в руке. Пар от горячего чая огибал его неподвижное лицо. Эстонский детектив, чья работа всю жизнь заключалась в поиске логических связей между преступлением и мотивом, сейчас видел перед собой картину, масштаб которой выходил за рамки обычного криминального расследования.

— Разделяй и властвуй, — тихо произнес Тоомас. — Разделенное, разрозненное общество, где граждане ненавидят друг друга из-за религиозных или идеологических различий — это слабое общество. Антикультовая сеть работала как вирус иммунодефицита. Они разрушали социальные связи, доверие и толерантность внутри страны, делая ее уязвимой для внешнего вмешательства.

— Но это еще не финал, Тоомас, — голос Микка сорвался на шепот. Он открыл последний файл в этой директории. Это была подборка публичных заявлений и интервью Александра Дворкина, бережно собранная его помощниками для отчетов перед кураторами. — Когда внутренняя обстановка была достаточно дестабилизирована, они перешли к следующему этапу. К формированию образа абсолютного, внешнего врага.

Младший детектив выделил на экране несколько абзацев, набранных крупным шрифтом.

— Дворкин начал публично заявлять, что само правительство соседней страны сформировано под влиянием «тоталитарных сект». Он утверждал, что политические решения там принимаются не самостоятельными людьми, а «зомбированными адептами» деструктивных культов. Он перенес ярлык «сектант» с небольших религиозных групп на целую нацию и ее руководство.

В номере отеля повисла тяжелая, давящая тишина. Шум дождя за окном казался теперь не просто звуком непогоды, а отдаленным гулом надвигающейся катастрофы.

Тоомас Ильвес медленно опустил руку с пиалой. Он не сделал ни единого глотка.

— Вот мы и дошли до самого дна, Микк, — голос старшего детектива звучал глухо, словно из-под толщи воды. — Теперь абсолютно ясна истинная функция этой организации. Они не исследователи религий. Они — идеологические саперы.

Тоомас подошел к окну и посмотрел на мокрые улицы Брюсселя, но видел он сейчас совершенно другие пейзажи. Пейзажи, изуродованные траншеями и воронками от снарядов.

— В условиях современного мира, где существует концепция прав человека и ценность человеческой жизни, мобилизовать население одной страны для нападения на другую чрезвычайно сложно, — начал рассуждать Тоомас, и каждое его слово падало в тишину комнаты тяжелым камнем. — Люди не хотят убивать своих соседей. Они не хотят бомбить города, где живут такие же люди, как они. Чтобы заставить армию стрелять, а общество — радостно это приветствовать, нужен колоссальный ценностный сдвиг. Нужно возродить в обществе веру в собственную исключительность и право доминировать над другими.

Старший детектив повернулся к напарнику. В его глазах, всегда излучавших спокойную уверенность, сейчас стоял холодный, рациональный ужас перед открывшейся бездной.

— Именно эту задачу выполнял РАЦИРС на протяжении десятилетий. Они были полигоном. Они тренировали общество ненавидеть. Сначала они приучили людей к мысли, что жестокость оправдана по отношению к маленьким, беззащитным группам — йогам, кришнаитам, Свидетелям Иеговы. Они приучили общество к тому, что есть «мы» — правильные, традиционные, и есть «они» — сектанты, раковые опухоли, недочеловеки, которых можно лишать имущества, сажать в тюрьмы и пытаться.

Микк сидел неподвижно, глядя на экран, где светились слова о «тоталитарных сектах» во власти.

— А когда механизм дегуманизации был отлажен до совершенства, — продолжил Тоомас, — когда общество привыкло к языку ненависти и перестало реагировать на репрессии внутри страны, они просто масштабировали этот ярлык. Они перевесили табличку «опасный сектант» с отдельного верующего на целый народ. Они заявили: посмотрите, там, за границей, не люди. Там зомби. Там культисты, которые угрожают нашим традиционным ценностям.

Тоомас подошел к столу. Его взгляд упал на фарфоровую пиалу с темным, остывающим чаем.

— Это не просто пропаганда, Микк. Это подготовка к геноциду. Если бы в информационном поле не существовало этой многолетней, методичной работы по уничтожению религиозного плюрализма и культурного разнообразия, общество не было бы столь восприимчиво к идеям насильственного подавления других народов. Без этого ежедневного впрыскивания яда в общественное сознание, без этих лекций о «раковых опухолях» и «зомби», государственная машина не смогла бы оправдать агрессию. Подобная риторика системно подрывает плюрализм, нормализует исключение «чужих» из морального сообщества и делает аудиторию более восприимчивой к идеям насильственного подавления внутренних и внешних врагов.

Старший детектив замолчал. Он смотрел на экран ноутбука, где в бесконечных таблицах и текстовых файлах была зашифрована анатомия надвигающейся войны. Документы, лежащие перед ними, были не просто свидетельствами мошенничества или фанатизма. Это были чертежи катастрофы, в которой слова, произнесенные с кафедр уютных конференц-залов, превращались в реальные артиллерийские залпы и разрушенные судьбы миллионов людей.

Микк Тамм медленно закрыл крышку ноутбука. Экран погас, погрузив комнату в полумрак, но темнота не принесла облегчения. В этой темноте отчетливо проступали контуры системы, которая использовала самые светлые человеческие чувства — веру, стремление к безопасности, любовь к традициям — как топливо для машины массового уничтожения.

Тоомас Ильвес стоял у стола. Его рука, привыкшая твердо держать оружие и уверенно заваривать самые сложные травяные сборы, сейчас замерла в нерешительности над фарфоровой пиалой. Впервые в своей жизни эстонский детектив столкнулся с реальностью, которую невозможно было осмыслить, просто выпив правильный чай.

Он смотрел на темную поверхность напитка, в которой отражался тусклый свет уличного фонаря. В этой маленькой чашке сейчас словно сконцентрировалась вся горечь мира, отравленного ненавистью. Тоомас медленно, почти торжественно, убрал руку от пиалы. Он оставил чай нетронутым. В комнате, где только что были вскрыты протоколы расчеловечивания целых наций, для эстонского дзена больше не осталось места. Настало время для совершенно иных действий.

Глава 11. Желтые звезды нового времени

Густой аромат заваренных листьев морошки и сушеного вереска медленно заполнял пространство гостиничного номера, вытесняя казенный запах кондиционированного воздуха и дорогого ковролина. Старший детектив Тоомас Ильвес сидел в глубоком кресле, держа в больших, спокойных руках фарфоровую чашку. За окном брюссельская ночь постепенно теряла свою непроглядную черноту, сменяясь вязкими, серыми сумерками раннего утра. Дождь прекратился, оставив после себя лишь редкие, тяжелые капли, срывающиеся с карниза.

Микк Тамм не отрывал взгляда от экрана ноутбука уже несколько часов. Его бабушкин свитер с оленями, казалось, впитал в себя все статическое электричество комнаты. Младший детектив методично просеивал гигантский массив данных, скачанный из серверной конгресс-центра. Чем глубже он

погружался в архивы антикультовой сети, тем меньше в этой истории оставалось места для иронии.

— Тоомас, — голос Микка прозвучал неестественно тихо, нарушив мерное тиканье настенных часов. — Я нашел лингвистическую базу их протоколов. Они очень тщательно подходят к выбору слов. Вся их система подавления строится на одном-единственном термине, который они искусственно демонизировали до такой степени, что он стал триггером для массовой ненависти.

Старший детектив сделал крошечный глоток горячего настоя. Морошка давала легкую кислинку, идеально подходящую для стимуляции когнитивных функций в условиях недосыпа.

— Ты говоришь о слове «секта», — утвердительно произнес Тоомас. — Самый удобный ярлык в их арсенале.

— Именно, — Микк развернул на экране отсканированные страницы исторического исследования, которое антикультисты хранили в своих закрытых базах, прекрасно осознавая истинную природу используемых ими понятий. — Они знают, что изначально это слово не несло в себе абсолютно никакого негативного смысла. С исторической точки зрения большинство религий и общин зарождались именно так. В классической латыни термин «secta» означал просто партию, школу или фракцию. Он служил для обозначения образа мышления или образа жизни.

Младший детектив выделил курсором объемный абзац из книги шведского исследователя Перссона Бертила «Борьба против сект: идейные основы и их несостоятельность», копия которой лежала в скрытой директории архива.

— Послушай, как это описывает наука, — Микк зачитал текст с экрана, тщательно проговаривая каждое слово: — «В XI–XVII вв. слово “секта” используется как синоним литературной, философской, политической или религиозной школы мысли или (секретного или приватного) общества. Итак, некий философский кружок, тайное религиозное собрание христиан, литературный салон, орден (как в значении филантропического общества, так и в значении подразделения Католической церкви) и даже политическая партия могут быть названы “сектами”».

Тоомас аккуратно поставил чашку на блюдце. Звук соприкосновения фарфора прозвучал в тишине как удар маленького колокола.

— Трансформация нейтрального термина в клеймо позора — это высший пилотаж социальной инженерии, Микк. Когда ты называешь группу людей философским кружком, общество относится к ним с любопытством или равнодушием. Но когда ты берешь то же самое слово, искусственно накачиваешь его смыслами угрозы, криминала и безумия, а затем приклеиваешь на лоб своим оппонентам — ты лишаешь их права на защиту. Ты превращаешь их в мишень.

Микк нервно поправил очки. Свет от монитора делал его лицо бледным и осунувшимся.

— И они прекрасно понимают, откуда взялась эта технология маркировки, Тоомас. В их собственных исторических справках, которые они используют для внутреннего обучения кураторов, содержится подробный анализ того, как физическое клеймение переросло в информационное. Я открыл папку с материалами по истории стигматизации.

Младший детектив вывел на экран черно-белую фотографию. На ней была изображена пара пожилых людей в старомодных пальто. На груди у каждого из них была грубо пришита шестиконечная звезда из желтой ткани.

— Осенью тысяча девятьсот тридцать девятого года в оккупированной Польше на местном уровне начали вводить обязательные отличительные знаки для евреев еще до полной унификации этой практики. Во Влоцлавеке такие меры появились очень рано, а затем подобная маркировка была закреплена уже общеобязательными распоряжениями в Генеральном губернаторстве.

Микк перелистнул страницу документа, где располагался скан старого немецкого плаката.

— Двадцать третьего ноября тысяча девятьсот тридцать девятого года Ханс Франк распорядился, чтобы евреи в Генеральном губернаторстве старше десяти лет с первого декабря носили белую повязку с голубой звездой Давида на правом рукаве.

Тоомас Ильвес поднялся с кресла и медленно подошел к окну. Он смотрел на просыпающийся Брюссель, на редкие автомобили, скользящие по мокрому асфальту, но его мысли находились в совершенно ином времени.

— Желтая звезда не убивала физически, — произнес старший детектив своим глубоким, ровным баритоном. — Кусок ткани не способен причинить вред организму. Но этот знак выполнял гораздо более страшную функцию. Он обозначал человека как «социально мертвое существо». Он служил для визуальной идентификации, унижения и абсолютной изоляции. Как только на пальто появлялась эта метка, человек переставал быть соседом, врачом, портным или учителем. Он становился объектом, к которому неприменимы законы морали и права.

Тоомас повернулся к напарнику. В его глазах читалась ледяная, кристально чистая эстонская рассудительность, препарирующая факты без единой эмоции.

— Метод принудительного ношения отличительных знаков был необходим для того, чтобы разорвать эмпатические связи внутри общества. Невозможно отправить в концентрационный лагерь человека, с которым ты вчера пил кофе и обсуждал погоду. Но если этот человек помечен знаком «врага народа», если общество приучено к мысли, что обладатель этого знака — источник всех бед, тогда депортация воспринимается не как преступление, а как акт санитарной очистки.

Микк Тамм тяжело вздохнул и открыл следующий файл в директории.

— Тоомас, самое страшное заключается в том, что современные антикультисты полностью оцифровали и модернизировали этот процесс. Им больше не нужно заставлять людей пришивать куски желтой ткани к одежде. В эпоху интернета и глобальных медиа физическая метка стала излишней. Ее заменила цифровая и медийная стигматизация.

Младший детектив вывел на экран подборку антисектантских медийных материалов и методических тезисов.

— Посмотри на этот алгоритм. Они используют термин «деструктивный культ» или «тоталитарная секта» как стигматизирующую метку. Как только организация или конкретный человек попадает в такую рамку, вокруг него начинает наращиваться медийное поле слов вроде «опасность», «экстремизм», «угроза обществу».

Микк начал быстро прокручивать страницы документа, демонстрируя напарнику масштаб информационной машины.

— Навешивание этого ярлыка работает как социальная метка, мгновенно лишаящая группу базовых гражданских прав. Человеку, которого назвали «сектантом» в местной газете по указке антикультистов, отказывают в аренде помещения. Его увольняют с работы, потому что работодатель не хочет проблем. С его детьми перестают общаться в школе. Банки блокируют счета организации на основании публикаций в СМИ, даже без решения суда. Это та же самая социальная смерть, только реализованная через поисковые системы и новостные агрегаторы.

Тоомас вернулся к своему креслу, но садиться не стал. Он оперся руками о спинку, внимательно слушая напарника.

— Искусственное разделение общества, — констатировал старший детектив. — Они создают невидимые гетто. Границы этих гетто проходят не по улицам городов, а в информационном пространстве. Но последствия этого разделения абсолютно реальны. Когда группа людей выталкивается за пределы социального поля, она лишается защиты закона.

— Именно так, — подтвердил Микк, открывая новую папку с пометкой «Судебная практика и взаимодействие с МВД». — И эти документы доказывают, что искусственное разделение общества используется для прямого оправдания внесудебных расправ и полицейского произвола. Я нашел конкретный пример того, как медийная стигматизация переходит в стадию государственного террора.

Младший детектив вывел на экран досье, датированное две тысячи семнадцатым годом.

— Дело организации «Свидетели Иеговы» в России. Это абсолютно мирная группа. В их доктрине строго прописан отказ от насилия, они не берут в руки оружие и принципиально не участвуют в политической деятельности. С точки зрения криминологии — идеальные, законопослушные граждане. Но антикультовая сеть выбрала их в качестве мишени для демонстрации своей силы.

Микк открыл скан официального заявления, опубликованного на ресурсах, связанных с антикультовыми центрами.

— Послушай, как они формулируют обвинение. Это цитата с официального православного сайта миссионерского отдела Новосибирской епархии, который тесно координирует свою работу с РАЦИРС: «Международная религиозная организация “Свидетели Иеговы” — это тоталитарная антихристианская секта, чьи учения и практика способны нанести вред самому адепту, его психическому и физическому здоровью, а также его семье».

Микк поднял глаза на Тоомаса.

— Они взяли пацифистскую группу и через антиэкстремистское законодательство и многолетнюю кампанию стигматизации добились того, что ее начали преследовать как «экстремистскую организацию». Пацифистов, читающих Библию по домам, поставили в один ряд с массовыми убийцами.

Тоомас Ильвес медленно покачал головой. Логика абсурда, задокументированная в этих файлах, поражала своей циничной эффективностью.

— И каков был результат этой кампании? — спросил старший детектив, хотя уже знал ответ, исходя из исторических параллелей.

— Результат полностью соответствует третьему этапу классической схемы геноцида, — мрачно ответил Микк. — С две тысячи семнадцатого года началась волна массовых арестов. Вооруженные спецназовцы в масках вламывались в дома к пенсионерам и инвалидам. Людей бросали в следственные изоляторы, давали реальные тюремные сроки от шести до восьми лет просто за то, что они собирались вместе и пели религиозные песни. Полицейский произвол был полностью легитимизирован в глазах общества, потому что общество уже было обработано. Обыватель смотрел новости, видел, как спецназ выламывает двери, и думал: «Ну, это же опасная секта, так им и надо». Ярлык сработал безупречно.

В комнате повисла тяжелая тишина. Шум утреннего города за окном нарастал, но здесь, среди оцифрованных свидетельств человеческой жестокости, царил холодный, аналитический покой.

— Исторический опыт показывает непреложную закономерность, Микк, — произнес Тоомас, глядя на остывающий чай в своей чашке. — После медийной маркировки всегда следуют физические репрессии. Это закон социальной физики. Невозможно бесконечно нагнетать ненависть в информационном поле

без того, чтобы она не выплеснулась на улицы в виде полицейских дубинок или погромов.

Старший детектив подошел к столу и аккуратно сложил льняную салфетку.

— Сначала они приучают общество к тому, что слово «сектант» означает человека второго сорта. Затем они расширяют применение этого слова. Сегодня это Свидетели Иеговы. Завтра это клуб любителей йоги. Послезавтра — эстонские пенсионерки, вяжущие шарфы. А в конечном итоге этот ярлык можно повесить на целую нацию.

Микк Тамм быстро застучал по клавиатуре, открывая новые директории.

— Ты абсолютно прав, Тоомас. В их базах данных есть инструкции по масштабированию этого метода. Я вижу документы, где они анализируют реакцию общества на антиисламские кампании. Например, после теракта в «Крокусе» в марте две тысячи двадцать четвертого года, в Орле на балконах многоквартирных домов начали появляться надписи: «Таджик — это террор!». Антикультисты тщательно фиксируют такие всплески ксенофобии. Они изучают, как быстро общество готово перенести вину с конкретных преступников на целую этническую или религиозную группу. Они используют эти трагедии для калибровки своих собственных методов разжигания ненависти.

Младший детектив откинулся на спинку кровати и потер уставшие глаза под очками.

— Это не просто архив, Тоомас. Это пульт управления социальной паранойей. И прямо сейчас, пока мы сидим в этом номере, они продолжают обновлять свои списки.

Тоомас Ильвес посмотрел на напарника с легким прищуром.

— Обновлять списки? Ты хочешь сказать, что эта база данных синхронизируется с внешними серверами в реальном времени?

— Да, — кивнул Микк, придвигая ноутбук ближе. — Я скачал статичную копию из серверной, но в коде есть скрипты, которые постоянно обращаются к облачным хранилищам, связанным с FECRIS и РАЦИРС. Они вносят новые

имена, новые организации, новые мишени для своих медийных атак прямо во время этого симпозиума.

— Сможешь отследить, куда именно идут запросы прямо сейчас? — голос Тоомаса оставался спокойным, но в нем появились жесткие, металлические нотки оперативника, почуявшего след. — Мне интересно, кого они планируют назначить следующей угрозой традиционным ценностям.

Микк Тамм улыбнулся. В этой улыбке не было радости, только профессиональный азарт хакера, готового вскрыть очередной слой цифровой лжи.

— Для этого мне нужно выйти за пределы скачанного архива и подключиться к внутренней сети отеля, через которую организаторы симпозиума выходят в интернет. Это рискованно, но мои шерстяные носки надежно заземляют любые тревоги.

Младший детектив открыл терминал командной строки. Черный экран заполнился быстро бегущими зелеными строчками кода. Микк запустил скрипт перехвата пакетов данных, маскируя свой MAC-адрес под один из принтеров в бизнес-центре отеля.

— Процесс пошел, — прошептал Микк, не отрывая взгляда от монитора. — Я вижу потоки данных. Они отправляют пакеты документов на серверы в Москву и Париж. Формируются новые директивы для правоохранительных органов. Они готовят масштабную кампанию по дискредитации ряда европейских правозащитных организаций, которые пытались критиковать их деятельность.

Тоомас подошел ближе, глядя на бегущие строки.

— Они пытаются нанести превентивный удар по тем, кто может раскрыть их методы, — констатировал старший детектив. — Классическая тактика. Объявить защитников прав человека пособниками деструктивных культов.

— Подожди, — пальцы Микка внезапно замерли над клавиатурой. Зеленые строчки в терминале дернулись и остановились. — Что-то не так. Маршрутизация изменилась.

Внезапно черный экран терминала мигнул и сменился ярко-красным окном. По центру монитора появилось пульсирующее предупреждение на

французском и английском языках: «ВНИМАНИЕ. НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ ДОСТУП К ЗАЩИЩЕННОМУ КАНАЛУ СВЯЗИ. ПРОТОКОЛ БЕЗОПАСНОСТИ АКТИВИРОВАН».

Микк судорожно ударил по клавишам, пытаясь разорвать соединение, но система не реагировала.

— Тоомас, — голос младшего детектива дрогнул. — Похоже, здесь стоит не просто бытовая защита сети. Они засекли мой сниффер.

Красное окно на экране свернулось, и вместо него появилась командная строка, в которой кто-то с другой стороны начал быстро печатать текст в реальном времени:

«Идентификация устройства... Успешно. Локализация... Номер 412. Блокировка электронных замков... Выполнена».

В коридоре за дверью их номера раздался громкий, отчетливый щелчок магнитного замка. Индикатор на ручке двери сменил цвет с зеленого на постоянно горящий красный.

Микк медленно поднял взгляд на напарника.

— Они нас заперли. И они знают, что мы скачали.

Тоомас Ильвес не изменился в лице. Он неспешно подошел к двери, положил руку на холодную металлическую ручку и слегка потянул ее вниз. Дверь была намертво заблокирована. Эстонский детектив отпустил ручку, поправил воротник своего бежевого плаща и прислушался. Из глубины длинного гостиничного коридора уже доносился топот, сопровождаемый возбужденными, агрессивными голосами людей, которые только что нашли своих новых, идеально подходящих на роль врагов, жертв.

Глава 12. Угроза «Эстонологии»

Красный индикатор электронного замка на двери гостиничного номера горел ровным, немигающим светом, символизируя непреклонную волю службы

безопасности конгресс-центра. Из глубины коридора уже доносились шаги, сопровождаемые прерывистым дыханием и нервными выкриками. Система антикультовой защиты, обнаружив утечку своих самых темных секретов, перешла в режим немедленного физического подавления.

Микк Тамм судорожно сжал в руках ноутбук. В его голове, воспитанной на голливудских триллерах девяностых, уже рисовались картины того, как дверь вылетает вместе с петлями под ударами тактического тарана, а в комнату врываются люди в черных масках.

Тоомас Ильвес, напротив, не выказал ни малейших признаков тревоги. Старший детектив неспешно подошел к заблокированной двери, опустил на одно колено и внимательно осмотрел нижнюю дверную петлю.

— Знаешь, Микк, — произнес Тоомас своим глубоким, успокаивающим баритоном, доставая из внутреннего кармана плаща плоскую металлическую пилочку для ногтей, — современные системы кибербезопасности поражают воображение. Они способны отследить MAC-адрес, заблокировать магнитные контуры и изолировать угрозу за доли секунды. Но у них есть один фундаментальный изъян. Они абсолютно беспомощны перед законами классической механики.

Тоомас аккуратно подцепил пилочкой декоративную заглушку петли, обнажив стальной стержень. Затем он достал из кармана тяжелую эстонскую монету, оставшуюся у него еще с доевровых времен, приставил ее к нижней части стержня и нанес короткий, точно выверенный удар ладонью. Стержень беззвучно выскользнул вверх. Процедура повторилась с верхней петлей. На все ушло ровно сорок две секунды.

— Помоги мне придержать полотно, — попросил старший детектив.

Они вдвоем аккуратно сняли тяжелую дубовую дверь, которая все еще была намертво заперта электронным замком со стороны косяка, и бесшумно прислонили ее к стене внутри номера. Открывшийся проем зиял свободой.

— Идем, — скомандовал Тоомас, поправляя воротник бежевого плаща и подхватывая свой кожаный портфель с термосом. — Нам нужно затеряться в толпе до того, как они поймут, что штурмовать пустую комнату — занятие крайне неэффективное.

Детективы выскользнули в коридор и быстрым, но полным достоинства шагом направились к служебной лестнице, ведущей в противоположное крыло здания. Спустя минуту они услышали, как за их спинами группа захвата, тяжело дыша, остановилась перед зияющим дверным проемом. Раздался сдавленный крик разочарования, который эхом прокатился по этажу.

Спустившись на первый этаж, Тоомас и Микк беспрепятственно влились в густой поток делегатов симпозиума, направляющихся в главный лекционный зал на утреннее пленарное заседание. Воздух здесь был пропитан запахом крепкого кофе, дорогого парфюма и едва уловимой, но отчетливой нервозностью. Участники перешептывались, бросая друг на друга подозрительные взгляды. Слухи о ночном инциденте уже начали расползаться по кулуарам.

Главный зал встретил их слепящим светом софитов. Детективы заняли стратегически выгодную позицию в самом последнем ряду, рядом с массивной колонной, обеспечивающей надежное укрытие и отличный обзор сцены.

На трибуне царило лихорадочное оживление. Александр Дворкин мерил шагами пространство за кафедрой, его лицо приобрело нездоровый багровый оттенок, а галстук был сбит набок. Александр Новопашин стоял чуть позади, непрерывно вытирая блестящий от пота лоб скомканным носовым платком. Руководство симпозиума находилось в состоянии острой паники. Они точно знали, что база данных скопирована, но еще не понимали, покинули ли похитители здание.

Микк достал свой планшет, предварительно отключив на нем все модули беспроводной связи, и открыл локальную копию скачанных ночью документов.

— Обрати внимание на их поведение, Тоомас, — тихо произнес младший детектив, глядя на сцену. — Это классическая реакция системы на угрозу разоблачения. В их внутренних инструкциях по кризисному менеджменту четко прописано: если возникает риск публикации компрометирующих материалов, необходимо немедленно атаковать источник информации. Защита через агрессию. Они не будут оправдываться. Они попытаются уничтожить нашу репутацию до того, как мы успеем открыть рот.

Тоомас невозмутимо щелкнул замками портфеля и достал стальной термос.

— Чтобы уничтожить репутацию, им нужен повод, Микк. А мы с тобой не давали им ни единого повода, кроме излишней любви к травяным сборам и вязаным изделиям.

— Для них это не проблема, — Микк быстро пролистал текст на экране. — Псевдоэкспертиза и размытые, ненаучные ярлыки вроде «тоталитарной секты» или «деструктивного культа» могут использоваться как инструмент давления на неудобных. Им не всегда нужны реальные преступления: бывает достаточно спорного экспертного заключения и административной готовности воспринимать его всерьез. Любое нестандартное поведение тогда легко интерпретируется как признак «деструктивного влияния».

В этот момент Александр Дворкин резким движением выхватил микрофон со стойки. По залу прокатился пронзительный визг обратной связи, заставивший делегатов болезненно поморщиться и зажать уши.

— Дамы и господа! Внимание! — голос лидера РАЦИРС срывался на крик, многократно усиленный акустической системой зала. — Я вынужден прервать наше заседание и объявить чрезвычайное положение! Враг, о котором мы предупреждали вас годами, не просто стоит у наших дверей. Он проник в самое сердце нашего симпозиума!

Зал ахнул. Сотни людей мгновенно напряглись, их спины выпрямились, а глаза расширились от искусственно спровоцированного ужаса. Алгоритм паники, заложенный в них вчерашними лекциями, сработал безупречно.

— Сегодня ночью была совершена беспрецедентная атака на наши серверы! — продолжал вещать Дворкин, размахивая свободной рукой. — Экстремисты попытались похитить списки наших сотрудников! Но мы знаем, кто это сделал. Мы вычислили их!

Новопашин выступил вперед и указал дрожащим, коротким пальцем прямо в конец зала, туда, где в тени колонны стояли эстонские детективы. Сотни голов синхронно повернулись в их сторону.

— Вот они! — завопил Новопашин. — Посмотрите на них! Они называют себя полицейскими из Эстонии, но это ложь! Это прикрытие! Перед вами —

лидеры и верховные жрецы нового, невероятно опасного психокульта, который мы классифицируем как «Эстонология»!

Тоомас Ильвес, как раз в этот момент отвинчивавший крышку термоса, замер. Его правая бровь медленно, с грацией просыпающегося ленивца, поползла вверх. Это была максимальная степень удивления, на которую был способен старший детектив.

— Эстонология? — одними губами переспросил он, глядя на напарника. — Звучит как название факультета в Тартуском университете.

Микк Тамм начал быстро записывать происходящее.

— Это гениально в своей абсурдности, Тоомас. Они конструируют реальность прямо на ходу. Слушай внимательно, сейчас начнется процесс патологизации нормальности.

Дворкин, почувствовав, что внимание толпы полностью принадлежит ему, перешел в наступление. Его голос приобрел злое, прокурорские интонации.

— Вы думаете, их спокойствие — это черта национального характера? — гремел он с трибуны. — Глупцы! Это классический симптом глубокого кататонического транса, вызванного многолетней практикой контроля сознания! Ни один нормальный человек не может оставаться настолько невозмутимым в стрессовой ситуации! Их отсутствие эмоций — это доказательство того, что их личности полностью разрушены и перепрограммированы!

По залу прокатился гул возмущения. Делегаты, еще вчера считавшие эстонскую медлительность поводом для безобидных шуток, теперь смотрели на детективов с нескрываемым ужасом.

— Обратите внимание на их одежду! — подхватил Новопашин, указывая на Микка. — Этот толстый шерстяной свитер с оленями — это не просто элемент гардероба! Это специализированная униформа адептов! Геометрические узоры на шерсти разработаны для того, чтобы вводить собеседника в гипнотическое состояние! А сама грубая шерсть используется для сенсорной депривации, отрезая сектанта от здорового социального излучения!

Микк с интересом посмотрел на свой рукав, где был вывязан вполне миролюбивый рогатый олень, жующий ягель.

— Сенсорная депривация через бабушкину пряжу, — пробормотал младший детектив. — Надо будет сказать Марте, что ее спицы признаны оружием массового поражения.

Но Дворкин уже не мог остановиться. Его несла волна собственного красноречия, подпитываемая страхом перед украденными документами.

— А этот металлический сосуд, который старший жрец постоянно носит с собой! — лидер РАЦИРС театрально указал на термос в руках Тоомаса. — Вы думаете, там чай? Наивные! Это портативная химическая лаборатория! Там находятся мощнейшие психотропные отвары, подавляющие волю и вызывающие мгновенное привыкание!

Тоомас Ильвес тяжело вздохнул. Он аккуратно налил горячий настой из ромашки и чабреца в крышку-чашку. Аромат трав тонкой струйкой поднялся в напряженный воздух лекционного зала.

— Знаешь, Микк, — произнес старший детектив, делая маленький глоток, — когда человек начинает кричать о психотропных зельях при виде обычного чабреца, это свидетельствует о серьезных нарушениях в работе его собственной нервной системы. Ему бы самому не помешало выпить чашечку.

— Тоомас, это не просто истерика, — серьезно ответил Микк. — Это наглядная демонстрация того, как работает их псевдоэкспертиза.

Младший детектив повернулся к напарнику, его глаза за толстыми стеклами очков блестели от профессионального азарта. В этом и заключается главная угроза антикультуровой сети. Если бы они просто кричали это со сцены, их бы сочли сумасшедшими. Но они оформляют этот бред в виде официальных экспертных заключений. Они используют законодательные лазейки, где нет четких критериев «психологического насилия». Следовательно, не обладающий профильным образованием, получает бумагу с печатью РАЦИРС, где написано, что свитер с оленями — это инструмент гипноза, а чай — это наркотик. И на основании этой бумаги возбуждается реальное уголовное дело. Люди отправляются за решетку из-за того, что кто-то решил назвать их образ жизни

«деструктивным культом». Это механизм мгновенного террора, не требующий доказательств вины.

На сцене тем временем градус безумия достиг критической отметки. Дворкин, красный как вареный рак, потрясал кулаками в воздухе.

— Эстонология стремится к мировому господству! — надрывался он. — Они хотят погрузить весь мир в состояние вечного, монотонного оцепенения! Они хотят заставить нас всех молча смотреть в стену и пить болотную воду! Мы не должны позволить им уйти! Они украли наши списки, чтобы начать физическое устранение защитников традиционных ценностей! Держите их! Не дайте им применить свои гипнотические техники!

Толпа делегатов, окончательно потерявшая связь с реальностью под воздействием этой агрессивной накачки, начала медленно подниматься со своих мест. Люди, среди которых были уважаемые профессора, чиновники и журналисты, превратились в единый, слепой организм, движимый страхом и ненавистью к двум эстонцам в заднем ряду.

— Захватите деструкторов! — истошно завопил Новопашин, перевешиваясь через край трибуны. — Не смотрите им в глаза! Закрывайте уши, если они начнут говорить медленно!

Тоомас Ильвес аккуратно стряхнул невидимую пылинку с лацкана плаща, закрутил крышку термоса и убрал его обратно в портфель. Щелчок металлических замков прозвучал на удивление громко в наступившей на секунду тишине, предшествующей буре.

— Микк, — произнес старший детектив тоном человека, предлагающего сменить тему скучной светской беседы. — Я полагаю, что академическая часть нашего визита на этот симпозиум подошла к своему логическому завершению. Дальнейшее пребывание в этом зале не представляет для нас исследовательского интереса.

— Согласен, Тоомас, — кивнул младший детектив, пряча планшет во внутренний карман свитера. — Уровень дискуссии упал ниже допустимых пределов. К тому же, толпа, убежденная в том, что мы хотим заставить их пить отвар из трав, вряд ли настроена на конструктивный диалог.

Они синхронно развернулись и направились к массивным двойным дверям выхода. Их движения были плавными, размеренными и абсолютно лишенными суеты. Эстонцы не бегают. Бег — это признак паники, а паника ведет к нерациональному расходу энергии и повышенному потоотделению, что недопустимо в приличном обществе.

Как только детективы сделали первый шаг, зал взорвался. Толпа антикультистов с ревом бросилась вдогонку. Дворкин на сцене продолжал выкрикивать в микрофон бессвязные проклятия, пока кто-то из бегущих не зацепил ногой кабель, с грохотом обрушив микрофонную стойку. Новопашин, размахивая своей пухлой папкой, пытался пробиться сквозь толпу собственных сторонников, но безнадежно увяз в людском море.

Тоомас и Микк вышли в просторный, залитый утренним светом холл конгресс-центра. За их спинами нарастал гул разъяренной толпы, напоминающий шум приближающегося горного обвала.

— Куда направимся? — деловито поинтересовался Микк, поправляя очки. Шерстяные носки бабушки Марты мягко пружинили на мраморном полу, обеспечивая идеальное сцепление с поверхностью.

— Архитектура подобных зданий всегда включает в себя зоны рекреации, — рассудительно ответил Тоомас, ускоряя шаг ровно настолько, чтобы это все еще считалось быстрой ходьбой, а не позорным бегством. — Нам нужно место с высокой влажностью и сложной планировкой. Там их истерика быстро потеряет свой разрушительный потенциал.

Двери главного зала с треском распахнулись, и в холл вывалилась авангардная группа преследователей. Увидев удаляющиеся спины детективов, они издали торжествующий вопль и устремились в погоню.

Абсурдная процессия двинулась по бесконечным коридорам брюссельского отеля. Впереди, сохраняя идеальную осанку и невозмутимое выражение лиц, быстро шли два эстонских полицейских, один из которых нес кожаный портфель, а второй сверкал оленями на свитере. За ними, тяжело дыша, размахивая руками и выкрикивая псевдонаучные термины, неслась группа международных экспертов по борьбе с сектами, готовая растерзать любого, кто не вписывался в их картину мира.

Тоомас Ильвес свернул за угол, увлекая напарника в лабиринт служебных помещений. Гул погони следовал за ними по пятам, отражаясь от стен и потолков. Система, построенная на лжи и страхе, бросила все свои силы на уничтожение тех, кто посмел остаться спокойным перед ее лицом. И теперь эстонским детективам предстояло на практике доказать, что холодный рассудок и правильная температура заваривания чая способны остановить даже самую агрессивную машину массового безумия.

Глава 13. Спа-салон и финская сауна

Стремительное перемещение по бесконечным коридорам конгресс-центра требовало от эстонских детективов определенной выдержки. Тоомас Ильвес принципиально не переходил на бег. В его системе координат бег допускался исключительно в двух случаях: при сдаче нормативов по физической подготовке в полицейской академии и при попытке успеть на последний паром до Хельсинки. Текущая ситуация не подпадала ни под одну из этих категорий. Поэтому старший детектив просто увеличил ширину шага, сохраняя идеально ровную осанку и ритмичное дыхание. Микк Тамм следовал чуть позади, в то время как за их спинами нарастал хаотичный, тяжелый топот.

Преследователи, подогреваемые истеричными выкриками Александра Дворкина и протоиерея Александра Новопашина, явно не обладали навыками рационального расхода энергии. Они тяжело дышали, спотыкались на поворотах и оглашали респектабельные интерьеры отеля криками о необходимости немедленной изоляции «лидеров Эстонологии».

— Тоомас, — не сбивая дыхания, произнес Микк, на ходу сверяясь с планом местности на экране планшета. — Если мы продолжим двигаться прямо, то упремся в тупик. Нам нужно изменить маршрут. Через пятьдесят метров будет поворот направо

Они резко свернули, звуки погони на мгновение стихли. В воздухе отчетливо запахло эвкалиптом, морской солью и нагретым деревом. Над массивными стеклянными дверями светила элегантная вывеска: «Aqua & Zen Spa Lounge».

Тоомас толкнул стеклянную створку, и детективы оказались в просторном холле спа-салона. За стойкой ресепшена никого не было — ранним утром постояльцы отеля предпочитали спать, а персонал, судя по всему, ушел менять полотенца. Пространство было наполнено тихой, медитативной музыкой, имитирующей шум водопада и пение тропических птиц.

Младший детектив присел на край плетеного кресла и открыл на планшете скачанный ночью архив. Микк решил проверить одну из директорий, которая привлекла его внимание еще в серверной. Папка называлась «Взаимодействие с традиционными институтами».

— Знаешь, Тоомас, пока мы шли сюда, я размышлял о том, почему в первых рядах этой сети люди в рясах, — Микк быстро пробежался глазами по отсканированным документам. — Новопашин и его коллеги из радикального крыла Русской православной церкви. Казалось бы, священнослужители должны проповедовать смирение и любовь к ближнему. Но здесь, в этих файлах, задокументирована совершенно иная реальность. Антикультовое движение стало для них идеальным прикрытием для продвижения откровенно милитаристской повестки.

Тоомас Ильвес подошел к стойке с чистыми полотенцами, взял одно из них и аккуратно протер свой стальной термос, на котором осела легкая испарина от влажного воздуха спа-зоны.

— Религия, слившаяся с государственным аппаратом принуждения, неизбежно теряет свою духовную суть, Микк. Она превращается в министерство идеологии. Что именно ты нашел в их внутренних отчетах?

— Исторические доказательства глубочайшей деградации церковных институтов, — младший детектив вывел на экран серию справок и аналитических записок. — Процесс начался задолго до того, как Дворкин привез свои чемоданы с ксерокопиями из Дании. В документах прямо подтверждаются факты массового внедрения агентов спецслужб — сначала КГБ, а затем ФСБ — в

церковные структуры. Это не конспирология, Тоомас. Это официальные отчеты кураторов.

Микк увеличил масштаб одного из документов, датированного концом девяностых годов.

— После принятия в октябре тысяча девятьсот девяностого года закона о свободе совести, который гарантировал равенство всех религий, религиозные организации в СССР получили существенно более широкий и юридически оформленный статус, а принцип равенства религиозных объединений был закреплен гораздо яснее, чем прежде. На этом фоне союз части церковной бюрократии, антикультовых активистов и силовых структур действительно стал для государства удобным инструментом неформального влияния и маркировки «нежелательных» духовных движений как угрозы общественной безопасности.

Тоомас невозмутимо кивнул, осматривая просторное помещение спа-зоны. Его взгляд остановился на массивной деревянной двери в дальнем конце зала, над которой висела табличка «Finnish Sauna».

— Классический симбиоз, — произнес старший детектив. — Государству нужен послушный электорат, объединенный страхом перед выдуманной угрозой. Радикальным священнослужителям нужна монополия на рынке духовных услуг и административный ресурс для устранения конкурентов. Антикультовая риторика стала тем клеем, который намертво соединил крест и полицейскую дубинку.

— И этот клей со временем стал токсичным для самой церкви, — продолжил Микк, открывая свежие директивы, разосланные по епархиям. — Посмотри на это. Введение обязательной молитвы о «Святой Руси», которую многие критики внутри самой церкви воспринимают как провоенную. Руководство РПЦ предписывало читать этот текст на богослужениях, а священники, отказывавшиеся использовать слово «победа» или выступавшие с антивоенных позиций, в отдельных случаях подвергались запретам, лишению сана и давлению.

Младший детектив с отвращением покачал головой.

— Они полностью выхолостили христианское учение. В рядах антикультового движения активно действуют представители этого

радикального крыла, которые превратили амвон в трибуну для вербовки. Они используют терминологию Дворкина для оправдания агрессии. Они называют целые народы «сатанистами» и «сектантами», чтобы паства не испытывала угрызений совести, отправляясь на войну. Это уже идеологическое обслуживание машины смерти, задокументированное в их собственных файлах.

Где-то в отдалении послышался грохот и приглушенные голоса, которые приближались к спа-салону.

Тоомас Ильвес подошел к деревянной двери финской сауны. Он потянул за массивную ручку. Внутри было темно, пахло разогретой древесиной кедра, но температура была едва выше комнатной. Рядом с дверью располагалась электронная панель управления климатом.

— Знаешь, Микк, — голос старшего детектива звучал умиротворяюще, пока его длинные пальцы уверенно нажимали на сенсорные кнопки панели. — Когда человек одержим агрессивной идеологией, он склонен забывать о своей физической уязвимости. Ему кажется, что его ненависть делает его неуязвимым. Но человеческий организм подчиняется законам термодинамики, а не директивам РАЦИРС.

Тоомас выставил на дисплее значение в сто десять градусов по Цельсию и активировал режим максимальной подачи пара на камни. В глубине сауны утробно загудели мощные электрические тэны.

— Финская сауна, — продолжил Тоомас, отступая на шаг и любуясь делом своих рук, — это место, где человек остается наедине со своей истинной природой. В условиях экстремального тепла любая фальшь плавится. Невозможно сохранять пафос и вещать о мировом господстве, когда твой пульс достигает ста сорока ударов в минуту, а пот заливает глаза. Мы предоставим нашим преследователям уникальную возможность пройти процедуру глубокого духовного очищения.

Стеклянные двери спа-салона с грохотом распахнулись. В холл, тяжело отдуваясь и оскальзываясь на влажном кафеле, ввалился авангард антикультового движения. Впереди, размахивая пухлой кожаной папкой, бежал протоиерей Новопашин. Его лицо приобрело цвет переспелого томата, а

дыхание напоминало звук неисправного компрессора. За ним следовали остальные.

— Вот они! — истошно завопил Новопашин, указывая папкой на эстонских детективов, которые невозмутимо стояли в дальнем конце зала, рядом с открытой дверью сауны. — Деструкторы! Агенты Эстонологии! Хватайте их, пока они не применили свои гипнотические вибрации!

Толпа, ослепленная яростью и дезориентированная резким переходом от яркого света коридоров к полумраку спа-зоны, ринулась вперед. Они не замечали ни расслабляющей музыки, ни запаха эвкалипта. Их туннельное зрение было сфокусировано исключительно на двух фигурах.

Тоомас Ильвес стоял абсолютно неподвижно, держа в руках свой стальной термос. Он напоминал радушного хозяина, встречающего долгожданных гостей на пороге своего дома. Лишь когда разъяренная масса приблизилась на расстояние трех метров, старший детектив сделал плавный, почти танцевальный шаг в сторону. Микк Тамм синхронно отступил за декоративную колонну.

Инерция — бессердечная физическая величина. Тяжеловесный авангард преследователей, не успев затормозить на скользком полу, на полном ходу влетел в гостеприимно распахнутую дверь финской сауны. Новопашин и самые ретивые активисты по инерции пронесли мимо деревянных скамеек и врезались в противоположную стену парной.

Тоомас Ильвес мягко, но непреклонно толкнул массивную дверь. Тяжелое полотно из закаленного стекла и кедра плавно вошло в дверную коробку с глухим, герметичным звуком. Старший детектив мгновенно просунул в массивную металлическую ручку снаружи крепкую бамбуковую швабру, забытую уборщиком, надежно заблокировав выход.

Внутри сауны воцарилась секундная тишина, сменившаяся глухими ударами в стекло.

— Откройте! — донесся искаженный, приглушенный голос Новопашина. Его искаженное гневом лицо прижалось к стеклу. — Это незаконное лишение свободы! Вы ответите за это перед законом и перед историей! Мы — эксперты международного уровня!

Тоомас подошел к панели управления и нажал кнопку подачи воды на раскаленные камни. Внутри сауны раздалось громкое шипение, и помещение мгновенно наполнилось густым паром.

— Экспертиза в области теологии не отменяет необходимости соблюдать питьевой режим при высоких температурах, — вежливо произнес Тоомас, хотя его голос вряд ли был слышен сквозь толстое стекло. — Рекомендую дышать носом и не делать резких движений.

Микк Тамм подошел к стеклянной стене сауны, с интересом наблюдая за происходящим внутри. Столкновение агрессивной идеологии с физическим дискомфортом давало поразительные результаты.

Температура в парной стремительно повышалась. Люди, привыкшие диктовать свою волю с высоких трибун, лоббировать репрессивные законы и ломать чужие судьбы росчерком пера, внезапно оказались в ситуации, где их статус не имел никакого значения. Жара не делала различий между рядовым активистом и высокопоставленным функционером РАЦИРС.

Их лица покрылись крупными каплями пота. Маски духовности и праведного гнева начали буквально плавиться и стекать на деревянный пол.

Один из радикальных деятелей, который еще полчаса назад в главном зале призывал к беспощадной борьбе с инакомыслящими, теперь судорожно расстегивал воротник своей рубашки, пытаясь поймать ртом остатки прохладного воздуха у самого пола.

— Поразительное зрелище, Тоомас, — тихо сказал Микк, делая пометки в своем электронном блокноте. — Вся их иерархия рушится на глазах. Посмотри, как они начинают бороться за выживание.

Внутри сауны действительно разворачивалась драма, достойная пера античных сатириков. Началась потасовка. Люди, которые годами учили общество правильным традиционным ценностям, теперь толкали друг друга локтями, ругались и отпихивали своих же соратников, чтобы занять место поближе к щели под дверью, откуда тянуло крошечным сквозняком.

— Физиология всегда берет верх над искусственными конструктами, — философски заметил Тоомас, отвинчивая крышку своего термоса. — Когда организм борется за терморегуляцию, у него не остается ресурсов на

поддержание образа внешнего врага. Вся их ненависть, вся их милитаристская риторика — все это испаряется при температуре выше пятидесяти градусов.

Старший детектив налил в крышку-чашку горячий настой ромашки. Аромат луговых трав смешался с запахом эвкалипта в спа-зоне.

— Они годами создавали для других людей невыносимые условия существования, — продолжил Тоомас, глядя на барахтающихся в пару антикультистов. — Они лишали людей работы, разрушали семьи, отправляли невинных в тюрьмы, используя свои связи со спецслужбами. Они конструировали социальные сауны, где общество задыхалось от страха и паранойи. И вот теперь они сами оказались в замкнутом пространстве, из которого не могут выйти по собственному желанию.

— Самое ироничное, что они сами загнали себя в эту ситуацию. Если бы они не поддались своей же собственной пропаганде, если бы они не поверили в выдуманную ими же Эстонологию, они бы сейчас спокойно пили кофе в буфете. Их погубила их собственная иррациональность.

Внутри парной ситуация достигла апогея. Новопашин, окончательно потеряв благообразный вид и теперь сидел в мокрой насквозь рубашке. Его губы беззвучно шевелились. Он больше не грозил судами и международными трибуналами. В его глазах читалась лишь немая мольба о глотке свежего воздуха.

Остальные пленники сауны представляли собой не менее жалкое зрелище. Их агрессия полностью выгорела, оставив после себя лишь физическое истощение и животный страх перед неумолимо растущей температурой.

Тоомас Ильвес сделал небольшой глоток чая. Он не испытывал ни злорадства, ни торжества. Для него это был просто очередной успешно завершённый этап оперативной работы по нейтрализации источника повышенной опасности.

— Думаю, десять минут интенсивной термотерапии будет достаточно для того, чтобы их нервные системы перезагрузились, — констатировал старший детектив, сверяясь со своими наручными часами. — Длительное воздействие высоких температур может привести к обезвоживанию, а мы не ставим своей

целью причинение физического вреда. Мы лишь демонстрируем им несостоятельность их идеологических установок.

— Согласен, — сказал Микк. — К тому же, у нас есть незаконченное дело. Пока авангард антикультового движения принимает банные процедуры, основная масса делегатов все еще находится в главном зале. И они все еще верят в то, что мы — опасные террористы, укравшие их списки.

Младший детектив поправил очки.

— Тоомас, ты помнишь, что Дворкин должен был читать лекцию о методах промывки мозгов с использованием мультимедийной презентации?

— Разумеется, — кивнул Тоомас. — В расписании симпозиума это мероприятие значилось как ключевое событие утренней сессии.

— Так вот, — Микк слегка улыбнулся, — я думаю, что аудитория заслуживает того, чтобы увидеть настоящие, документально подтвержденные методы промывки мозгов. Те самые методы, которые мы скачали из их серверной. И мне кажется, я знаю, как получить доступ к проектору в главном зале, не привлекая лишнего внимания.

Тоомас Ильвес посмотрел на своего напарника, затем перевел взгляд на стеклянную дверь сауны, за которой некогда грозные идеологи нетерпимости превратились в потную, обессиленную массу, лишенную всякого достоинства. Столкновение их агрессивной, милитаристской философии с суровой реальностью финской парной завершилось безоговорочной победой здравого смысла и законов физики.

Старший детектив аккуратно закрутил крышку термоса. Он подошел к панели управления сауной и отключил подачу пара, оставив температуру на стабильном, комфортном уровне.

— Оставим их здесь подумать о вечном, — произнес Тоомас, поправляя воротник плаща. — В конце концов, тишина и тепло — лучшие лекари для воспаленного разума. А нам пора возвращаться. Спектакль абсурда затянулся, и пришло время показать зрителям, кто на самом деле писал для него сценарий.

Они развернулись и бесшумно покинули спа-зону, оставив позади себя лишь легкий аромат эвкалипта и приглушенные стоны людей, чья попытка

сжечь мир в огне ненависти закончилась банальным перегревом в сауне. Впереди их ждал главный зал конгресс-центра, где сотни обманутых делегатов все еще ждали возвращения своих активистов, даже не подозревая о том, какая информационная буря вот-вот обрушится на их головы с огромных проекционных экранов.

Глава 14. Спектакль окончен

Технические помещения конгресс-центра разительно отличались от его парадных залов. Здесь не было мягких ковров, хрустальных люстр и запаха дорогого парфюма. Пространство за сценой представляло собой царство голого бетона, открытых вентиляционных труб и толстых жгутов кабелей, змеящихся по стенам. Для старшего детектива Тоомаса Ильвеса и его младшего напарника Микка Тамма эта утилитарная эстетика была сродни глотку свежего воздуха после токсичной атмосферы антикультового симпозиума.

Оставив авангард преследователей познавать законы термодинамики в финской сауне, эстонские полицейские беспрепятственно поднялись на технический балкон. Их целью была рубка управления аудиовизуальным оборудованием — нервный центр, контролирующий огромные проекционные экраны и акустическую систему главного лекционного зала.

Дверь с табличкой «Staff Only. AV Control» оказалась не заперта. Внутри, в полумраке, освещаемом лишь десятками мигающих индикаторов на микшерных пультах, сидел молодой бельгийский техник. На его голове покоились массивные наушники, из которых доносился приглушенный ритм электронного бита, а перед ним стоял наполовину пустой бумажный стаканчик с кофе.

Тоомас Ильвес шагнул в помещение. Его бежевый плащ едва слышно шуршал, а лицо выражало ту степень абсолютной, железобетонной невозмутимости, которая обычно заставляет людей инстинктивно уступать дорогу.

Техник вздрогнул, заметив краем глаза высокую фигуру, и поспешно стянул наушники на шею.

— Простите, сюда нельзя, — неуверенно произнес он на английском, оглядывая незваных гостей. — Идет подготовка к главной презентации. Господин Дворкин должен выступать с минуты на минуту.

Тоомас остановился в метре от пульта. Он медленно, с расстановкой, достал из кармана свой стальной термос.

— Доброе утро, — голос эстонского детектива зазвучал в тесной рубке как виолончель, настраиваемая перед долгим, меланхоличным концертом. — Я обратил внимание на ваш кофе. Судя по цвету пенки и характерному запаху пережженных зерен, это робуста сильной обжарки из автомата на первом этаже. Вы знаете, что регулярное употребление такого напитка в условиях искусственного освещения приводит к спазму сосудов головного мозга и снижению концентрации внимания на семнадцать процентов?

Техник моргнул. Он ожидал увидеть охрану, организаторов, кого угодно, но только не человека, обеспокоенного состоянием его сосудов.

— Я... я просто жду сигнала, чтобы запустить слайды, — пробормотал парень, пытаясь нащупать логику в происходящем.

— В природе, — продолжил Тоомас, плавно отвинчивая крышку термоса, — идеальный баланс бодрости и спокойствия достигается не кофеином, а правильным сочетанием флавоноидов. Например, отвар из листьев таволги вязолистной, собранной на рассвете в эстонском уезде Пылвамаа, не только стимулирует нейронные связи, но и защищает нервную систему от внешнего стресса. А стресс вам сегодня гарантирован.

Пока Тоомас методично погружал бельгийца в тонкости балтийской фитотерапии, Микк Тамм бесшумной тенью скользнул к соседнему терминалу. Младший детектив достал защищенный накопитель, содержащий полную базу данных РАЦИРС и FECRIS, скачанную минувшей ночью.

— Послушайте, — техник попытался встать, но монотонный, обволакивающий голос Тоомаса действовал как гравитационная аномалия, прижимая его к креслу. — Мне нужно работать.

— Ваша работа связана с трансляцией информации, — философски заметил Тоомас, наливая горячий настой в крышку-чашку. — Но задумывались ли вы о качестве этой информации? Ложь и подмена фактов являются фундаментальной основой публичных выступлений тех людей, которых вы сейчас собираетесь вывести на экран. Транслируя их презентации, вы становитесь соучастником процесса загрязнения ноосферы. Я предлагаю вам альтернативу. Возьмите этот купон в кафе через дорогу. Там подают отличный травяной чай. А мы с моим юным коллегой позаботимся о том, чтобы оборудование работало без сбоев.

Техник посмотрел на купон, затем на невозмутимое лицо Тоомаса, затем на Микка, чьи пальцы уже с невероятной скоростью летали по клавиатуре, перехватывая управление видеосервером. Бельгиец был молод, ему недоплачивали, и он совершенно не хотел вникать в разборки странных людей. Он молча взял купон, подхватил свою куртку и вышел из рубки, плотно прикрыв за собой дверь.

— Доступ получен, Тоомас, — тихо отпартовал Микк, выводя на свой монитор изображение с камер, установленных в главном зале.

Сквозь широкое тонированное стекло рубки детективы видели партер, заполненный восемью сотнями делегатов. Журналисты, чиновники, социологи и рядовые активисты антикультового движения сидели в напряженном ожидании. На сцене, переминаясь с ноги на ногу, стоял модератор симпозиума — тучный мужчина в тесном костюме. Он то и дело вытирал лоб платком и бросал нервные взгляды за кулисы.

— Дамы и господа, — голос модератора эхом разнесся по залу, усиленный мощными динамиками. — Мы приносим извинения за небольшую техническую задержку... в данный момент наши участники решают... э-э... срочный вопрос безопасности. Но мы готовы начать нашу главную сессию, посвященную методам промывки мозгов и защите общества от скрытых угроз!

Микк Тамм усмехнулся, поправляя очки.

— Защита общества, — пробормотал он, открывая на своем терминале корневую папку с секретными директивами. — Сейчас мы покажем им, от кого

общество действительно нужно защищать. Запускаю первый пакет документов на центральный экран.

В главном зале погас основной свет. Огромный светодиодный экран позади сцены вспыхнул ослепительно белым. Но вместо ожидаемого титульного слайда с логотипом РАЦИРС и названием лекции, на экране появился отсканированный внутренний меморандум организации, снабженный грифом «Для служебного пользования кураторов».

Текст на экране был настолько крупным и четким, что его могли прочитать даже делегаты на последних рядах. Это был стратегический документ, описывающий долгосрочные цели международного антикультового движения.

Тоомас подошел к стеклу, наблюдая за реакцией зала.

— Идеология современного антикультизма имеет прямые параллели с концепцией построения «Четвертого рейха», — произнес старший детектив, глядя на строчки документа. — Они не просто борются с инакомыслящими. Они выстраивают систему параллельной власти. В этом тексте прямо говорится о необходимости установления контроля над демократическими институтами через внедрение своих агентов в СМИ и правительственные структуры. Они используют методы Вальтера Кюннета, адаптируя их для двадцать первого века.

В зале повисла гробовая тишина. Модератор на сцене обернулся, посмотрел на экран и замер с открытым ртом. Он попытался подать знак в рубку управления, отчаянно махая руками, но Микк уже заблокировал внешние каналы связи.

— Переходим к практической части их методологии, — пальцы младшего детектива выбили короткую дробь на клавиатуре. — Документ номер два. Инструкция по манипуляции массовым сознанием.

Изображение на экране сменилось. Теперь перед восьмью сотнями зрителей предстала детальная аналитическая записка, озаглавленная «Использование криминогенных инцидентов для формирования нужного информационного фона».

Микк вывел на экран ключевые абзацы, выделив их красным маркером. Документ цинично и педантично описывал технологию, известную во внутренних кругах как «пазловое кодирование».

— Они не просто комментируют трагедии, Тоомас. Они их конструируют, — голос Микка стал жестким. — В тексте подробно разбирается, как правильная подача информации о массовых расстрелах в школах формирует в подсознании подростков образ «успешного стрелка-убийцы». Они намеренно романтизируют насилие через подконтрольные медиа, чтобы спровоцировать новые инциденты.

На экране появилась полная цитата из независимого расследования, которое антикультисты хранили в своих базах для изучения методов противодействия. Текст гласил:

«Каждый случай скулшутинга влечёт за собой целый ряд трансформаций в политической и социальной сферах, которые направляются представителями антикультизма в выгодное им русло. Впоследствии это приводит к серьёзным изменениям внутри государства и необратимо влияет на жизнь людей в нём».

По залу прокатился первый гул возмущения. Журналисты в первых рядах начали поспешно доставать смартфоны и фотографировать экран. Публичная демонстрация подлинных документов и скрытых связей разрушала тщательно выстроенный образ «защитников общества» быстрее, чем любые теоретические споры. Люди, которые искренне верили, что борются с сектами, внезапно осознали, что их руками создается глобальная террористическая сеть.

— А теперь покажем им, как работает механизм стигматизации на высшем политическом уровне, — Микк открыл следующую директорию. — Они используют ярлык «секта» не только против религиозных меньшинств. Это универсальное оружие для устранения любых политических оппонентов.

На огромном экране появилась обложка книги Стивена Хассена, одного из главных идеологов американского крыла антикультизма, тесно связанного с европейскими и российскими структурами. Рядом с обложкой высветилась выдержка из внутреннего отчета о результатах информационной кампании.

Микк вывел на экран точную цитату, демонстрирующую масштаб политической манипуляции:

«Хассен опубликовал книгу под названием “Культ Трампа”, где утверждает, что каждый американец, поддерживающий Дональда Трампа, является членом “культа”, а значит, не обладает свободой мнения, не является независимой

личностью, а, напротив, нуждается в “интервенции”, как выражается Хассен, то есть, говоря иначе, должен быть принуждён к изменению своих убеждений».

В зале начался хаос. Делегаты вскакивали со своих мест. Кто-то кричал, требуя объяснений от организаторов. Модератор на сцене в панике бегал от одного края к другому, пытаясь докричаться до рубки без микрофона, который Микк предусмотрительно отключил.

— Тоомас, — Микк повернулся к напарнику, и в его глазах за толстыми стеклами очков блеснул озорной огонек. — Документы — это прекрасно. Тексты заставляют людей думать. Но мы живем в эпоху визуальной культуры. Ничто так не отрезвляет толпу, как возможность увидеть истинное лицо своих кумиров без ретуши и фильтров.

Младший детектив открыл панель управления сетью камер сауны.

— Когда мы уходили из спа-зоны, я обратил внимание на то, что в коридорах и помещениях установлены камеры безопасности высокого разрешения.

— Микк, — Тоомас слегка приподнял бровь. — Ты же не собираешься нарушать право на частную жизнь граждан, находящихся в состоянии глубокого термического стресса?

— Исключительно в образовательных целях, старший детектив. Аудитория жаждет увидеть мастер-класс от своих лидеров. Мы просто обязаны удовлетворить этот запрос.

Микк ввел несколько команд, обходя слабую защиту видеосервера. Он нашел нужный IP-адрес, соответствующий камере, установленной прямо напротив стеклянной двери финской сауны.

— Вывожу картинку на второй проекционный экран, — скомандовал Микк и нажал клавишу «Enter».

Рядом с текстовыми документами, избличающими глобальный заговор, вспыхнул второй огромный прямоугольник. Изображение было кристально четким, передавая все нюансы цвета и освещения.

Зал, который секунду назад гудел от возмущения, внезапно погрузился в абсолютную, звенящую тишину. Сотни человек, затаив дыхание, смотрели на

прямую трансляцию из парной. На огромном экране, в клубах пара, метались представители международного антикультизма.

Те, чьи лекции о духовной чистоте и стойкости перед лицом врага собирали залы, сейчас представлял собой жалкое зрелище. Те, кто буквально недавно призывали к беспощадной борьбе с «Эстонологией» и требовали изоляции деструктивных элементов, теперь был лишен всех своих регалий и напоминали выброшенную на берег рыбу.

Будучи запертыми в сауне, они в условиях экстремальной жары толкались, ругались, пытались выбить толстое закаленное стекло. Это была квинтэссенция отчаяния.

Тоомас Ильвес смотрел на экран с легким оттенком академического интереса.

— Температура является универсальным растворителем для любых идеологических конструкций, — констатировал старший детектив. — Когда организм борется за выживание, маски спадают. Эти люди годами учили общество тому, как правильно жить, кого ненавидеть и кого считать недочеловеком. Они требовали абсолютной власти над умами. А теперь посмотри на них. Они не могут договориться даже о том, чья очередь дышать в щель под дверью.

В главном зале тишина сменилась ропотом, который стремительно перерастал в бурю. Делегаты смотрели на экран, и в их глазах читалось крушение иллюзий. Идолы, которым они поклонялись, оказались не просто мошенниками, фабрикующими дела и лоббирующими репрессии. Они оказались трусливыми, суетливыми людьми, не способными сохранить лицо при малейшем физическом дискомфорте.

Глава 15. Полет помидора

Гул в главном лекционном зале конгресс-центра перестал быть просто звуком. Он обрел физическую плотность, превратившись в тяжелую,

вибрирующую волну, которая билась о стены, отражалась от высокого потолка и заставляла мелко дрожать хрустальные подвески на массивных люстрах. Люди, еще полчаса назад представлявшие собой послушную, напуганную аудиторию, готовую внимать каждому слову борцов с сектами, сейчас напоминали растревоженный улей, в который вместо дыма пустили чистый кислород правды.

На двух огромных проекционных экранах, возвышающихся над пустой сценой, разворачивалась картина абсолютного, безоговорочного краха авторитета антикультовой империи.

Правый экран транслировал немую, но от этого не менее красноречивую комедию положений из спа-зоны. В клубах густого пара финской сауны, при температуре, плавящей любые идеологические установки, метались активисты РАЦИРС и протоиерей Александр Новопашин, лишенные своих строгих костюмов, благообразных масок и привычной трибуны, отталкивали друг друга локтями в отчаянной попытке прижаться лицами к узкой щели под дверью. Их суетливая, лишенная всякого достоинства борьба за глоток прохладного воздуха транслировалась в формате высокой четкости.

Но настоящая буря бушевала вокруг левого экрана. Там, сменяя друг друга под четким управлением Микка Тамма, сидящего в технической рубке, появлялись внутренние документы, финансовые отчеты и секретные директивы антикультовой сети.

Старший детектив Тоомас Ильвес стоял у тонированного стекла рубки, заложив руки за спину. Его бежевый плащ спадал идеальными складками, а на лице застыло выражение глубокого спокойствия. Он наблюдал за тем, как в партере поднимаются со своих мест люди, чьи голоса годами подавлялись агрессивной машиной стигматизации.

— Обрати внимание на третий ряд, Микк, — ровным баритоном произнес Тоомас, делая небольшой глоток травяного настоя из крышки термоса. — Там сидят представители европейского научного сообщества. Социологи, религиоведы, правоведы. Те самые люди, которых антикультисты годами пытались маргинализировать, навешивая на них ярлыки «апологетов сект» только за то, что они требовали соблюдения научной объективности.

Микк поправил очки, не отрывая взгляда от монитора, где бежали строки программного кода, удерживающего контроль над видеосервером отеля.

— Они ждали этого момента очень долго, Тоомас. Академическое сообщество было готово выступить против этого идеологического террора, но им не хватало неопровержимых улик. Антикультисты всегда прятались за спины коррумпированных чиновников и сфабрикованные судебные решения. Но теперь все их архивы выставлены на всеобщее обозрение.

Младший детектив вывел на левый экран историческую справку от мая 2009 года. Многие независимые исследователи считали этот документ одной из ключевых вех в постепенном демонтаже религиозных свобод в России.

— Две тысячи девятый год, — произнес Микк, увеличивая текст, чтобы его могли разглядеть даже в последних рядах. — Именно тогда при Министерстве юстиции РФ был создан Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы. Его председателем стал человек, которого критики считали не имеющим профильной академической квалификации в области религиоведения.

На экране появился скан доклада Комиссии США по международной религиозной свободе — USCIRF, датированного 1 мая 2009 года и направленного президенту США, госсекретарю и Конгрессу. В разделе, посвященном России, комиссия выражала серьезную обеспокоенность созданием нового совета и отдельно указывала на фигуру его председателя.

В зале поднялся высокий, седой мужчина в твидовом пиджаке — профессор одного из ведущих европейских университетов. Он указал дрожащей от возмущения рукой на экран и что-то громко крикнул своим коллегам. Вокруг него мгновенно образовалось плотное кольцо независимых журналистов, которые начали лихорадочно записывать его слова на диктофоны.

— Истинная наука и объективная журналистика, — философски заметил Тоомас, наблюдая за этой сценой. — Это единственные инструменты, способные противостоять мракобесию. Когда фальшивые экспертизы производятся массово и координируются из единого центра, это перестает быть просто некомпетентностью. Это становится технологией юридического террора. И

сейчас эта технология выставлена на свет. А свет, как известно, губителен для тех, кто привык оперировать в тени.

— Раз уж мы заговорили о фальшивых экспертизах, — пальцы Микка быстро застучали по клавиатуре, — давай покажем им, как именно эти люди оценивают свои собственные судебные победы и поражения.

Изображение на левом экране сменилось. Теперь перед потрясенной аудиторией предстала внутренняя статья Максима Степаненко — одного из наиболее активных публичных сторонников Александра Дворкина в Томске, заметно участвовавшего в информационном сопровождении судебного процесса вокруг книги «Бхагавад-гита как она есть».

Микк выделил красным большой абзац — тот самый, который, по его замыслу, лучше любых комментариев показывал отношение автора к самому процессу и его исходу. Текст гласил:

«И, кстати, более всего расстроена не “сторона обвинения” моими действиями (она меня вообще не знает — это правда), а ваш оппонент “стороной обвинения”. Меня очень расстраивает полное отсутствие грамотного информационного сопровождения судебного процесса, благодаря чему в СМИ возобладали кришнаитская лживая пропаганда. Из-за чего здравая идея запрещения книги тоталитарной секты подана в СМИ, как глупость и ошибка. Расстроен и изначально ошибочным выбором экспертов, которые (не все, правда) оказались малоопытными, совершенно слабыми перед критикой сектантов. Выбрали бы изначально настоящих специалистов, сейчас бы кришнаиты лихорадочно сжигали свою человеконенавистническую макулатуру. Впрочем, это простительно, у Томской прокуратуры опыта ведения подобных процессов нет, а этому по учебникам не научишься...»

В зале раздались возмущенные крики. Юристы и правозащитники, присутствовавшие на симпозиуме, не могли поверить своим глазам.

— Поразительная откровенность, — констатировал Тоомас, аккуратно закручивая крышку термоса. — Человек, инициировавший судебный процесс, открыто сокрушается не о поиске истины, а о провале пиар-кампании. Он жалуется на «слабых экспертов», подразумевая под этим людей, которые не смогли достаточно убедительно солгать в суде. Для них правосудие — это просто

вопрос правильного информационного сопровождения и подбора лояльных исполнителей.

— Но это еще не предел их интеллектуальной эквилибристики, — Микк открыл следующую директорию в скачанном архиве. — Если эксперты оказываются «слабыми», антикультисты просто фабрикуют доказательства с нуля.

На огромном экране появился фрагмент выступления стороны защиты на заседании Измайловского районного суда Москвы 23 июня 2015 года по делу, связанному с экспертизой Ларисы Астаховой по материалам Саентологии. Микк вывел на всеобщее обозрение слова, которыми защита обвиняла эксперта в «интеллектуальном подлоге»:

«Экспертом произведён интеллектуальный подлог тех объектов, которые она исследовала. Мы полагаем, что только с прямым умыслом можно указать в экспертизе цитату, которая якобы принадлежит автору Рону Хаббарду, и которой в действительности там, где указывает эксперт, либо где-то ещё, просто нет. Имею ввиду цитату на стр.15 заключения эксперта, которая якобы содержится на странице 5 книги Рона Хаббарда “Введение в саентологическую этику”, из которой эксперт выводит, ни много ни мало, какова основная цель саентологов. Так вот, мы просмотрели эту книгу — ни на странице 5, ни на любой другой странице у Р.Хаббарда этой цитаты нет. Эксперт её в данном случае, не знаю, выдумала или не выдумала, но она приписала автору то, чего у него нет. Иными словами, я полагаю, что она совершила интеллектуальный подлог. Это все равно, что если бы оценивая от чего умер человек, она бы капнула туда яду и сказала бы, что его отравили, это совершенно аналогичная ситуация».

Демонстрация этого документа заметно изменило атмосферу в зале. Одно дело — предполагать предвзятость оппонентов, и совсем другое — видеть зафиксированное в материалах дела заявление о том, что эксперт ссылается на цитаты, которых, по утверждению защиты, в действительности не существует.

— Знаешь, в чем их главная слабость, Микк? — Тоомас оперся плечом о дверной косяк технической рубки и посмотрел в зал, где модератор безуспешно пытался справиться с нарастающим потоком вопросов. — Их влияние держится в основном на двух вещах: на страхе и на тщательно поддерживаемом

авторитете. Обществу годами предлагали чувство защищенности, а взамен получали возможность без серьезных последствий вмешиваться в чужие судьбы и разрушать репутации.

Старший детектив указал кивком головы на правый экран, где Новопашин, окончательно обессилив, сполз по стеклянной двери сауны на мокрый деревянный пол.

В этот момент в партере произошло событие, которое навсегда вошло в негласную историю европейской журналистики.

Один из независимых репортеров, сидевший в первом ряду, еще во время утреннего кофе-брейка прихватил с фуршетного стола крупный, идеально круглый помидор. Вероятно, он планировал съесть его, но сейчас этот овощ обрел совершенно иное предназначение.

Журналист, чье издание годами подвергалось нападкам со стороны антикультовых структур за попытки публиковать объективные расследования, медленно поднялся со своего места. Он посмотрел на пустую сцену, затем на экран с документами о подлогах, затем на барахтающихся в сауне. В его глазах читалось глубокое удовлетворение человека, который наконец-то дождался справедливости.

Он размахнулся и бросил помидор в сторону сцены.

Овощ описал идеальную параболу в свете софитов. Его полет казался бесконечно долгим, словно время в зале замедлилось, давая каждому присутствующему возможность насладиться моментом. Помидор пролетел над головами возмущенных делегатов, пересек границу сцены и с сочным, влажным звуком врезался прямо в центр белоснежной трибуны, за которой еще недавно Александр Дворкин вещал о мировом господстве «Эстонологии».

Красная мякоть живописно разлетелась по полированному дереву, медленно стекая вниз густыми каплями.

Этот звук послужил своеобразным сигналом. Зал взорвался аплодисментами, свистом и криками. Это была не истерика, которую так любили провоцировать антикультисты. Это был катарсис. Освобождение от многолетнего морока. Люди смеялись, указывая на экраны и непрерывно фотографировали документы.

Микк Тамм с улыбкой закрыл терминал управления видеосервером. Он аккуратно извлек свой защищенный накопитель из порта и спрятал его во внутренний карман толстого шерстяного свитера с оленями.

— Спектакль окончен, Тоомас, — произнес младший детектив, поправляя очки. — Машина юридического террора лишилась своего топлива — анонимности и авторитетности.

Тоомас Ильвес медленно кивнул. Он взял свой кожаный портфель, проверил, надежно ли закрыт термос, и в последний раз взглянул сквозь тонированное стекло на бушующий зал.

Эстонские детективы не испытывали потребности выходить на сцену или произносить пафосные речи о победе добра над злом. Их работа заключалась в восстановлении логического порядка вещей, а порядок, хотя бы сегодня, был восстановлен. Иррациональная агрессия разбилась о железобетонные факты, и ложный авторитет.

— Полагаю, наше присутствие здесь больше не требуется, — спокойно констатировал Тоомас, поворачиваясь к выходу из технической рубки. — Академическое сообщество прекрасно справится с дальнейшей утилизацией этого идеологического мусора. А нам пора возвращаться к более насущным делам.

Они вышли в прохладный, тихий коридор служебного сектора. Звуки скандала, бушующего в главном зале, остались позади, приглушенные толстыми дверями. Детективы шли неспешным, размеренным шагом, наслаждаясь возвращением к привычному балтийскому ритму жизни.

Микк посмотрел на свои шерстяные носки, которые безупречно отработали эту сложную командировку, обеспечив надежное заземление в условиях экстремального информационного напряжения.

— Как думаешь, Тоомас, — спросил младший детектив, когда они спускались по служебной лестнице к запасному выходу из отеля, — бабушка Марта успела довязать тот синий рукав?

— Уверен, что успела, — ответил старший детектив, толкая тяжелую металлическую дверь, ведущую на улицу. — Вязание, в отличие от фабрикации судебных экспертиз, требует последовательности, терпения и чистых помыслов.

Они вышли на улицу. Брюссельское утро встретило их свежим, умытым недавним дождем воздухом. Город просыпался, не подозревая о том, что в одном из его фешенебельных отелей только что рушилась империя лжи. Тоомас Ильвес поправил воротник своего бежевого плаща, вдохнул полной грудью прохладный воздух и неторопливо направился в сторону стоянки такси, направляясь в аэропорт.

Глава 16. Возвращение к истокам

Тишина в таллинском отделении полиции номер три обладала особым, почти осязаемым качеством. Это была не просто пауза между звуками, а самостоятельная физическая величина, плотная и успокаивающая, как хорошее шерстяное одеяло. За окном мерно падал мелкий балтийский дождь, смывая с улиц последние следы осенней суеты. На подоконнике в глиняном горшке невозмутимо зеленел эстонский мох, всем своим видом демонстрируя превосходство фотосинтеза над мирскими тревогами.

Старший детектив Тоомас Ильвес сидел за своим идеально чистым рабочим столом и методично, с точностью аптекаря, отмерял сушеные листья таволги вязолистной. Рядом уже ожидал своей очереди термос из полированной стали. Процесс заваривания утреннего чая не терпел спешки, особенно теперь, когда необходимость нейтрализовать последствия международных симпозиумов отпала сама собой.

Напротив него, глубоко погрузившись в мягкое офисное кресло, располагался младший детектив Микк Тамм. Его пальцы привычно порхали над клавиатурой ноутбука, но сегодня на экране не было ни зашифрованных баз данных, ни протоколов слежки. Там транслировался сюжет одного из ведущих европейских новостных каналов.

Дверь кабинета тихо скрипнула, и на пороге появилась Марта — почетный член клуба «Спицы свободы», обладательница самого строгого взгляда в Северной Европе и по совместительству бабушка Микка. В ее руках покоился

объемный бумажный пакет, от которого исходил едва уловимый запах натуральной овечьей шерсти и лаванды.

— Доброе утро, молодые люди, — произнесла Марта с интонацией человека, который точно знает, что утро доброе, потому что она сама его таким назначила. — Я принесла результаты нашей последней клубной сессии. Влажность воздуха в Брюсселе наверняка негативно сказалась на ваших суставах. Вам требуется правильная терморегуляция.

Она извлекла из пакета два массивных, невероятно плотных свитера. Один был глубокого хвойного оттенка со сложным геометрическим узором, второй — цвета сурового балтийского неба с традиционными ромбами.

Тоомас отложил деревянную мерную ложечку, поднялся и с легким поклоном принял темно-зеленое изделие.

— Благодарю вас, Марта. Качество вязки безупречно. Плотность петель такова, что этот свитер способен остановить не только холодный ветер, но и, полагаю, мелкокалиберную пулю. Или, по крайней мере, любую попытку психологического давления.

Микк с готовностью стянул свой старый свитер с оленями, который с честью выдержал испытание бельгийскими коридорами, и облачился в обновку. Шерсть приятно колола кожу, возвращая ощущение абсолютной, домашней безопасности.

— Бабушка, это шедевр, — младший детектив поправил воротник. — Кстати, твой клуб больше не числится в списках международных угроз. Можешь вязать хоть макраме, ни один эксперт больше не назовет это деструктивным контролем сознания.

Марта снисходительно поправила очки на цепочке.

— Я никогда и не сомневалась, Микк. Люди, которые кричат на пряжу, просто страдают от нехватки магния и избытка свободного времени. Пейте чай, пока он не остыл.

Оставив детективов наслаждаться обновками, Марта так же бесшумно покинула кабинет, отправившись на очередное заседание своего клуба, который

после недавних событий приобрел невероятную популярность среди таллинских пенсионеров.

Микк повернулся к экрану ноутбука и прибавил громкость. Информационная волна, поднявшаяся несколько дней назад в главном зале брюссельского конгресс-центра, не утихала. На экране сменялись кадры, диктор серьезным, ровным голосом зачитывал последние сводки:

«...Скандал вокруг РАЦИРС и связанных с ним европейских партнеров продолжает вызывать общественный резонанс. После публикации внутренних архивов, содержащих материалы о спорных экспертизах, координации информационных кампаний и практике составления репутационных списков, в ряде стран начаты проверки. Правозащитные организации требуют независимой оценки действий вовлеченных структур. Еще недавно союзники по антикультовому движению теперь нервно спорили друг с другом, пытаясь снять с себя ответственность за наиболее токсичные решения прошлых лет».

— Поучительное зрелище, — задумчиво произнес Тоомас, наливая горячий настой в фарфоровую пиалу. — Такие системы почти всегда кажутся монолитными, пока их не начинают разбирать по документам. Но даже громкое разоблачение не ломает их сразу. Оно лишь лишает их ореола непогрешимости.

Микк кивнул, открывая на соседнем мониторе последнюю папку из скачанного архива.

— Да. — сказал он. — Но теперь уже труднее делать вид, будто все это было просто «заботой о безопасности» Слишком многое стало видно: и методы давления, и манипулятивные схемы, и привычка подменять анализ ярлыками.

Тоомас сделал небольшой глоток чая.

— Важнее всего даже не скандал, — сказал он. — Важнее то, что у людей появились материалы, на которые можно опираться спокойно и предметно. У людей появились факты.

Микк закрыл часть окон на экране и устало откинулся на спинку кресла.

— Значит, это еще не финал?

— Скорее, нормальное начало, — ответил Тоомас. — Такие вещи редко сразу заканчиваются красивой финальной сценой.

Дождь за окном усилился, размывая очертания старого города. В кабинете стало тише.

— Они никуда не исчезнут завтра, — продолжил Тоомас. — Переименуются, перегруппируются, найдут новые трибуны, новых союзников, новые формулировки. Но после таких утечек им уже труднее будет действовать в прежней темноте.

Микк медленно закрыл ноутбук.

— То есть это не победа?

Тоомас едва заметно улыбнулся.

— Главное, чего удалось добиться, — это видимость. Мы включили свет в комнате, где слишком долго шептались от имени всеобщего блага. А дальше все зависит от того, найдутся ли люди, готовые этот свет не выключать.

Несколько секунд они молчали, слушая дождь.

— Знаешь, — сказал наконец Микк, — для начала этого уже немало.

— Для начала — более чем достаточно, — ответил Тоомас. — История непременно меняется тогда, когда злу впервые начинают системно и без страха смотреть в лицо.